

СМЕНА

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1982

**РАБОЧАЯ
ВАХТА
ПЯТИЛЕТКИ**

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
ЖУРНАЛА

Свой комсомольский билет
я храню рядом с партийным
билетом. Потому что комсо-
мол в моей судьбе, как
и в судьбе миллионов совей-
ских людей, оставил не-
изгладимый след.

Комсомол - это не учебное
заведение. И всё же это свое-
образная школа, в которой
учатся общественной ра-
боте, коллективной деятель-
ности и умению добиваться
поставленной цели.

В нашей комхозе живут и
работают комсомольцы
разных поколений. Люди эти
несмотря на различные воз-
раст, всё-таки все-то по-
хожи. Они борцы. Борцы за
высокие нравственные идеалы
в жизни и труде.

Умение комсомол научил
меня правильно понимать
и оценивать не только
собственную жизнь, но и по-
ступки других. научил ви-
деть в окружающих всё лучшее
и развивать это луч-
шее в себе. Помогать людям,
думать обо всех, кто тебя
окружает. Именно такое на-
учил меня комсомол.

Когда комсомольцы Сафа-
товской области поеха-
ли меня своим делега-
том на XVIII съезд ВЛКСМ,
я работала бригадиром
тракторно-полеводческой
бригады. Недавно комму-
нисты комхоза избрали
меня секретарём партко-
ма. Работа новая, труд-
ная, ответственная. И я
никогда бы не справилась
с ней, если бы комсомол не
научил меня личной от-
ветственности за общее
дело, не научил вступать
в бой с равнодушными, рас-
чностью, разрывом действа.
Наша партийная органи-

зация растёт в основном за
счёт комсомольцев. А шови-
стские коммунисты, выкашива-
вшие партийные парту-
ли, остаются работного
в комсомоле.

В прошлом, очень трудном
году нам комхоз удалось
выполнить все планы и
задачи своё пятилетие и
то в числе передовых ко-
ллектив. Своё вклад в этот
успех внесла и комхозная
комсомольская организа-
ция. Сейчас в деревне де-
таются много коммуни-
стов нашей школы. Они
работают тракториста-
ми, доярками, живот-
новодами. Знание и упор-
ство позволяют им быть
ро обивать секретам
мастерства. А без него
настоящих успехов не
добьются.

Но у нас ещё немало
проблем: закрепление
сельских кадров, повыше-
ние уровня образования
и технической грамотнос-
ти молодого комхозни-
ков, улучшение досуга мо-
лодёжи.

Впереди у комсомольцев
большое событие - очеред-
ной, XIX съезд ВЛКСМ. По-
доброй традиции моло-
дёжь встречает свой съезд
ударными, творческими,
самоотверженными трудами.
Много съезду и его делега-
там успешной работы,
хорошего настроения,
настойчивости в дости-
жении поставленных
целей.

Мария Тобасенок
(Жаркова),
секретарь парткома К.У.
им. В.И. Ленина Татищев-
ского района Саратовской
области, делегат
XVIII съезда ВЛКСМ

АДРЕС:

Саратовская область

ПРОФЕССИЯ:

полевод

КОМСОМОЛЬСКИЙ

СТАЖ:

четырнадцать лет

**МОЙ
СЪЕЗД**

ЭКОНОМИЯ КАК ДЕЛО КО

Программное требование XXVI съезда КПСС в одиннадцатой пятилетке выражено в ставших уже крылатыми словах: «Экономика должна быть экономной». Возрастает роль комсомольских организаций в воспитании у молодежи хозяйского отношения к труду, к общественной собственности, к народному добру.

В статьях, предлагаемых читателю в этом номере, делятся своим опытом и мыслями об экономии как категории труда и нравственности разные авторы: комсомольский работник, бригадир, экономист. Круг поднимаемых ими вопросов важен, на наш взгляд, интересен. Однако многообразие дел и задач этими выступлениями, естественно, не исчерпывается. Продолжить тему мы приглашаем наших читателей, и прежде всего — молодых рабочих. Мы предлагаем написать о своем месте

и месте своих коллективов во всенародном походе за:

- выполнение и перевыполнение заданий по экономии сырья, материальных и топливно-энергетических ресурсов;

- увеличение выпуска нужной народному хозяйству продукции из сбереженного сырья, материалов;

- вовлечение в хозяйственный оборот вторичных ресурсов, промышленных и бытовых отходов, попутных продуктов, местных видов сырья и материалов;

- сокращение потерь металла, топлива, энергии, сельскохозяйственной продукции при их транспортировке, переработке, хранении.

Экономия сегодня — крупнейшая хозяйственная задача. Общественное дело экономии должно стать личным делом каждого молодого труженика.

ЧИСЛО-УМЕНИЕ-РЕАЛЬНАЯ ПОЛЬЗА

Евгений КУЗНЕЦОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
Рыбинского ордена Ленина
производственного объединения
моторостроения

Можно ли сэкономить... на прошлогоднем снеге? Вопрос не ради шутки. Даже на этом наше объединение ежегодно сберегает немало средств, труда, горючего. Сейчас уже и не вспомнишь, кто первый, наблюдая, как тяжелые самосвалы увозят снег с заводского двора, подумал: а зачем? Разумеется, очистить территорию необходимо, но снег приходится вывозить за городскую черту, за несколько десятков километров — очень накладно для предприятия получается. И тогда построили прямо на заводе, на пустом клочке земли, простенькое сооружение — что-то вроде бункера с подогревом. Снег с самосвалов сваливается в емкость, быстро тает и без всяких перевозок уходит в канализацию. Таким образом, за зиму экономится сотни литров бензина, рабочее время шоферов, меньше изнашиваются автомашины.

Я сознательно начал с примера, непосредственно не касающегося основного производства. Мне кажется, он очень наглядно показывает, что возможность экономить есть везде, стоит только повнимательнее приглядеться.

Говорят, в одном цвете художник видит множество оттенков, в обычном — необычное; наверное, и для работников промышленности важен такой же дар: умение не просто смотреть, но и видеть. Раньше, говоря об экономии и бережливости, мы все же имели в виду очевидные резервы — выброшенный на свалку металл, невключенные лампочки и так далее. А если попробовать копнуть глубже? Для этого и необходимо суметь увидеть необычное в обычном: в примелькавшей, привычной технике, технологии, организации труда — новые решения, формы, новые возможности работать эффективней, рачительней. Без такого умения, думаю, нельзя хозяйствовать по-настоящему экономно. Уж что, кажется, привычней, чем зимняя вывозка снега? Однако, как видите, даже в таком вроде бы «безнадежном» с точки зрения экономии деле может быть простое и нестандартное усовершенствование.

А теперь должен признаться, что сам я об этом факте узнал недавно и поначалу не придавал ему особого значения. И, очевидно, напрасно. Мы часто ломаем голову, как сделать интересней, эффективней занятия в сети комсомольского политпросвещения, экономическую учебку, а когда сама жизнь предлагает необычные, интересные, просящиеся в блокнот пропагандиста факты, почему-то проходим мимо, нередко даже не знаем о них. Пропагандисты на занятиях много рассуждают об экономии вообще,

оперируют глобальными цифрами — и навевают иной раз неодолимую скуку на молодых слушателей. Общие знания, конечно, тоже необходимы. Но нам нужно, чтобы знания работали, воплощались в конкретные предложения по экономии. И тут-то живые примеры выдумки, изобретательности, проявленные нашими заводчанами, могли бы заинтересовать молодежь, дать толчок ее собственной инициативе, заставить по-новому посмотреть на свое привычное рабочее место, свой участок, цех: а нельзя ли и здесь что-то придумать?..

Мы выпускаем двигатели для флагмана Аэрофлота самолета ИЛ-62М; дизели для тракторов, экскаваторов, дорожных машин, передвижных электростанций, буровых установок. Делаем также полюбившиеся северянам и сибирякам снегоходы «Буран».

Рыбинские дизели отличаются простотой конструкции, экономичностью, надежностью и долговечностью. По моторесурсу и надежности они имеют самый высокий в стране уровень среди дизелей своего класса. А пропашной трактор ЮМЗ-6 с нашим дизелем признан лучшим образцом сельскохозяйственной техники в СССР. Сто процентов продукции, подлежащей аттестации, выпускается с государственным Знаком качества.

Может сложиться впечатление: раз на заводе все так хорошо, то нам остается лишь поддерживать заведенный порядок... Однако этот порядок

стоил нам весьма недешево. На единицу продукции затрачивалось времени, труда, материалов явно больше, чем нужно.

Карл Маркс писал, что всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени. В самом деле, когда станочник переводит в стружку гору металла, то ее по крайней мере можно собрать и отправить на переплавку, а время, затраченное на никому не нужную работу, пропало безвозвратно. Когда рабочий из-за плохой организации труда полдня простаивает, можно поднатужиться и штурмом одолеть план, но никто уже не вернет продукцию, которую он мог сделать, но не сделал — потому что нельзя повернуть время вспять. Где-то я прочитал заломившуюся фразу: самый верный и богатый источник экономии — хорошая работа каждого. Правильная мысль. Но какое важнейшее условие хорошей работы? Чтобы рабочее время от первой до последней минуты было действительно рабочим, производительным, не тратилось зря. Экономия времени и труда — нерасторжимые понятия.

Так вот, были сделаны подсчеты: если работать по-прежнему, то для выполнения программы 1985 года нам понадобится дополнительно 7600 рабочих. Численность крупного завода! Эта цифра показала, что начинать придется с экономии труда, поскольку новых рабочих брать будет негде. Да и не дело это — полагаться на число, а не на

«Важно развернуть массовое движение трудящихся за всемерную экономию в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в строительстве, в непромышленной сфере и в управлении. Каждый советский человек должен активно включиться в борьбу за экономию и бережливость на производстве и в быту, вносить свой конкретный вклад в это общенародное дело».

Из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР
«Об усилении работы по экономии и рациональному использованию сырьевых, топливно-энергетических и других материальных ресурсов»

РАБОТА
КАК
ДЕЛО
ЖИЗНИ

МСОМОЛЬСКОЕ

умение. Так сама реальная действительность вызвала к жизни инициативу, отмеченную впоследствии ЦК КПСС, — выполнять планы без увеличения численности рабочих.

Когда специалисты проанализировали с учетом новых требований использование труда, то некоторые резервы экономии обнаружили до удивления просто. Рабочий день станочника начинался с того, что он шел получать инструмент и чертежи. Для одного человека задержка пустяковая, минут десять — пятнадцать. А в целом по заводу — ежедневные многочасовые простои с самого начала рабочей смены. Сейчас эти простои ликвидированы специально созданной службой планово-предупредительного обслуживания рабочих мест. Когда станочник приходит в цех, бежать ему никуда не надо, все необходимое для работы приготовлено. Только на этом новшестве завод экономит труд трехсот сорока рабочих!

Впрочем, надо ли представлять такое как передовой опыт, свежее инженерное решение? Да, эффект получается немалый. Но ведь много лет мирился с явными потерями, привыкли к ним, пока, как говорится, не прижало... Разве не повод для размышлений: мы сэкономили то, что можно было сэкономить еще вчера — значит, объективно говоря, отстали от требований времени. А с чем встретим день завтрашний?

Требовался конкретный перспективный план действий до конца пятилетки; такой план, основанный на внедрении новой техники, технологии, качества и организации труда, был разработан. Но он не выделял отдельно «сферу влияния» комсомольской организации — это нам предстояло сделать самим. Тот период был самым трудным. Сначала ударялись в крайности: то ограничивали свою работу каким-либо одним вопросом, то пытались поспеть всюду. Иными словами, не ставили конкретных целей и в результате почти ничего не доводили до конца.

В начале пятилетки обратились за помощью ко всем комсомольцам, собрали наиболее интересные предложения, советы, и тогда уже смогли четко определить, где наша работа может принести реальную пользу.

...В одном телефильме мне запомнился эпизод: передовой токарь отказывается обрабатывать излишне большие, незаконные поковки, пытаясь своим протестом заставить инженеров решить наконец эту проблему. Что ж, сюжет актуальный для любого предприятия, в том числе и для нашего. Правда, от работы станочники не отказывались, но обдирка заготовок всегда была у нас самым болельным местом. Например, чтобы обточить одно кольцо двигателя, приходилось снимать семь лишних миллиметров металла. Представляет, сколько времени тратил токарь на обработку и сколько металла переводил в стружку? Изменить что-то казалось почти невозможным. Как отковать тяжелым молотом большое кольцо без достаточного припуска?

А что, если вообще обойтись без молота? Решить эту задачу взялись секре-

тарь комсомольской организации цеха технолог Людмила Криворучко, технолог Людмила Крюкова, штамповщик Виталий Курочкин. Криворучко знала, что на некоторых заводах ковку заготовок заменили выдавливанием под прессом. Однако механически перенести известный опыт нельзя — у нас и детали другие и марка металла иная. Так что всю технологию пришлось разрабатывать с нуля.

Первый опыт закончился неудачно, полопались матрицы пресса. Меняли оснастку, подбирали металл, усиливали матрицы — методично искали решение, пока кольца не начали получаться практически без припуска. Но это было лишь началом. Комсомольцы разработали технологию и освоили производство своим методом одиннадцати разных заготовок, что уменьшило расход металла почти на двадцать процентов. Соответственно снизилась трудоемкость обработки деталей у станочников, сэкономлен их труд. В плане на этот год — освоить еще десять видов заготовок. А сэкономленный металл пойдет на увеличение выпуска продукции...

Предполагаю возможные сомнения скептиков: вот, оказывается, как все просто — стоило взяться за сложнейшую проблему, и тут же ее решили. Я знаю, как трудно было разработать экономичную технологию. Уверен, помогли не только технические знания и профессиональное мастерство. Из множества проблем комсомольцы выбрали самую важную с точки зрения экономии и все остальное подчинили ее решению. Это можно сравнить со стратегией на поле боя, где успех определяется умением сосредоточить силы в нужное место и в нужное время. План комсомольской работы совершенно не обязательно должен быть всеобъемлющим: здесь надо считать не количество пунктов, а полученный экономический эффект. Такой же принцип планирования принят и в других цехах. Например, в сборочном основной работе молодежи по экономии замыкалась на изменении технологии сборки.

Началось все с разговора на бюро комсомольской организации о том, как и за счет чего можно сэкономить время и труд при изготовлении двигателя. Дело в том, что каждый двигатель собирался дважды. После первой контрольной проверки шли испытания, затем разборка по узлам, новая сборка и, наконец, окончательный контроль. А если сдавать двигатель без промежуточного осмотра? Решили на это не сразу. Нет, ребята не боялись, что двигатели потеряют в надежности, — контрольная служба у нас строящаяся. Опасались другого: в новых условиях повторная сборка из обычной части технологического процесса превращалась бы в свидетельство неумения обеспечить отличное качество с первого раза. Поэтому прежде чем ломать заведенный порядок, всем пришлось осваивать смежные профессии. Ведь известно, что иногда даже временное отсутствие «узкого специалиста» ставит в трудное положение целый участок, так как подменить его некем. С другой стороны, знание

нескольких профессий помогает раскрыть способности каждого, увеличивает отдачу бригады. Настоящей школой опыта в этом отношении стала комсомольско-молодежная бригада Александра Подстойникова, которая не только освоила «укороченную» технологию сборки, но еще и высвободила одного рабочего. Когда цех перешел на одноразовую сборку, объем работ уменьшился сразу на сорок процентов. Значит, только за счет экономии рабочего времени можно было бы выпускать продукции почти вдвое больше при той же численности работников.

Если пройти по цехам, то в каждом можно найти интересные усовершенствования, направленные на экономию трудовых и материальных ресурсов. В ходе Всесоюзного смотра экономии и бережливости молодые рабочие и специалисты подали сотни предложений, позволившие сберечь десятки тысяч рублей. Комсомольцы шефствуют над внедрением новой техники и технологии... Достижений немало, но с некоторых пор отношение к ним у нас неоднозначное. При более детальном анализе выяснилось, что достигнутая экономия нередко весьма относительна. Поясню это на простом примере.

Современный, хорошо оснащенный цех начал выдавать... массовый брак. Вместо ожидаемой экономии — убытки. Произошло это только потому, что на финишных операциях обработки лопаток турбин были поставлены неопытные практиканты, причем работавшие на неотлаженном оборудовании. Доля вины лежит и на комсомольских постах качества: они занимались лишь подведением итогов раз в году. Но этот случай заставил сделать и другие выводы.

Первый — экономия, полученная на одних участках технологического процесса, обесценивается обидными потерями на других. Литейщик принес экономию, отлив лопатку, требующую минимальной обработки, — станочник эту экономию обратил в убыток, отправив лопатку в брак.

Второй — новая техника и технология дают экономии в той степени, насколько разумно и умело используются человеком, то есть зависят от качества и организации труда.

Давно замечено, что наиболее высокие экономические показатели у тех рабочих, которые объединены в бригады. Здесь стабильно растет производительность труда, здесь молодые рабочие уже через полгода-год показывают результаты профессионалов с шестилетним стажем; здесь выше качество труда, заинтересованность в работе. Все это самым прямым образом влияет на экономию многих ресурсов.

Обычно, когда говорят о трудностях внедрения бригадной формы организации труда, отмечают сомнения насчет зарплаты: не понизится ли она в бригаде? Уверен, это не главная трудность. В конце концов, если кто сомневается, можно взять данные в бухгалтерии и сравнить. И вопрос исчерпан. Дело в ином...

В механическом цехе молодой рабочий Василий Герасименко предложил

организовать первую комсомольско-молодежную бригаду станочников. В первый же месяц производительность труда у них повысилась на 26 процентов: ребята стали сообща думать над рациональной обработкой деталей, уменьшили потери рабочего времени, строже стали следить за качеством, полностью исключили нарушения технологической дисциплины. Но через три месяца — полный провал. Комсомольцам, мастерам высокой квалификации, пришлось заниматься... уборкой мусора и подсобными работами, а их дорогостоящие станки с числовым программным управлением простаивали неделями. Вот какой парадокс — бригада попала в тяжелое положение благодаря хорошей работе. Она быстро обработала запас заготовок и осталась на голодном пайке. Допустим, не требовалось большее количество одних деталей, но ведь станки можно было запрограммировать и на другие, а об этом никто вовремя не подумал. Проще говоря, люди стали работать по-новому, а планировать им продолжали по-старому. В результате вместо экономии — прямые убытки из-за простоев. С приходом в цех нового руководства положение меняется к лучшему, но полученный урок запомнится надолго. Налицо не только экономический, но и моральный урон: разочарование, потеря веры в бригаду.

Я говорил, что самый верный источник экономии — хорошая работа каждого. Но хорошую работу надо поощрять, а не наказывать за нее... Какой из всего этого можно сделать вывод? Комсомольско-молодежные бригады должны заключать с администрацией договоры, в которых определялись бы взаимные конкретные обязательства бригады и хозяйственных руководителей по выполнению плана, экономии ресурсов, качеству труда и другим показателям. Подчеркну: **взаимные обязательства!**

Разумеется, бригадная форма — лишь один из способов экономии, но и далеко не самый последний. К тому же не требующий предвзятых материальных затрат, как того требует, например, внедрение новой техники.

...Проце было, когда работа коллектива оценивалась в основном по цифре выполнения плана: больше ста — значит, передовики. Какой ценой выполнен план, интересовались меньше. Показатели экономии дают более объективную оценку работы предприятия: в этом деле успехи на одном участке не компенсируют провалов на другом. Наоборот, на фоне достижений явственной проявляются промахи. Мы это особенно отчетливо поняли, когда поиск резервов экономии развернулся по всем направлениям и выявилась глубинная взаимосвязь всех производственных процессов.

Накануне XIX съезда комсомола идет широкий смотр эффективности нашей работы, анализ достижений и неудач, новых предложений молодежи. Инициатива комсомольцев не только разрешает старые, но и ставит новые проблемы. И это закономерно, поскольку мы учимся на многое смотреть по-новому, с позиций рачительности и бережливости.

Наша обложка:
КаАЗ—
завод молодежный.

Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

- 1** **МОЙ СЪЕЗД.**
Письмо секретаря парткома колхоза имени В. И. Ленина Татищевского района Саратовской области Марии ПОВАЖНЮК.
- 2** **ХІХ СЪЕЗД ВЛКСМ. РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ.**
«ЭКОНОМИЯ—КАК ДЕЛО КОМСОМОЛЬСКОЕ».
- 8** Рассказ Ивана УХАНОВА «ВЬЮГА В ГОРОДЕ».
- 12** **60 ЛЕТ СССР. ВСЕСОЮЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: «ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ И ПОДВИГА».**
Владимир САНГИ,
секретарь правления Союза писателей РСФСР.
«КАРАНДАШ И КНИГУ ДАЛ НАМ ЛЕНИН».
- 15** Стихи Владимира БАЛАЧАНА.
- 16** МИР КАПИТАЛА: УБИЙСТВЕННЫЙ БИЗНЕС.
- 22** ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА.
- 23** ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 24** «УЗОРЫ ПОЛХОВА-МАЙДАНА».
- 25** «ШЕСТЬ ПОБЕДНЫХ ПАРТИЙ».
- 26** А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».
- 28** Повесть Леонида САПОЖНИКОВА и Георгия СТЕПАНИДИНА «ТРИ ВЕРСИИ».
- 32** КОНКУРС ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РИСУНКОВ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШЕВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САОШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.

Я—ВСПЛОМ

Владимир КАА.

бригадир путевых рабочих Целиноградского объединения по противозрозионной технике

ФАМИЛИЯ

Зовут меня Владимир Николаевич Каа. Имя, отчество—тут все как у людей. А вот фамилия... Редкая у меня фамилия. Никогда, говорите, такую не встречали? И я тоже не встречал. Хотя... был случай. Читал я дочке «Маугли» Киплинга, а там, помните, есть такой добрый, мудрый удав, которого зовут Каа. Дочь мне и говорит: «Змей-то у нас тезка!» Вот так однофамильца встретил.

Впрочем, всякие «фамильные» истории случаются...

Когда я председателем цехкома был, приходит как-то ко мне объяснительная одного прогульщика, и на ней резолюция начальника цеха: «Каа В. Н. Прошу рассмотреть». Кто-то из наших в цехкоме взял эту бумагу и читает: «Кавээн», прошу рассмотреть». Получилось КВН, клуб веселых и находчивых. Ребята в смех. Ну, теперь, говорят, устроим мы прогульщикам КВН, а там уж, на этом «кавээне», с ними и рассчитаемся.

ЧЕРНАЯ РАБОТА

Прогульщиков я не зря вспомнил. Много было с ними хлопот. В нашем Целиноградском объединении по противозрозионной технике мой цех № 13—железнодорожный, значит, вспомогательный. Много лет подряд считали его «ведущим» по... числу работников, попадавших в вытрезвитель. А уж прогулов и других нарушений помельче—просто не счесть. И самое обидное, что такое положение многим казалось почти нормальным. Будто так и быть должно. Нам прямо в лицо говорили: у вас, мол, работа такая, что с вас возьмешь?

Какая такая работа?.. Сначала вот вы сами мне ответьте. Только честно! Что такое для вас грузчик? Каким вы его себе представляете? Что же вы молчите? Понимаю, вы обидеть меня не хотите. Я ведь тоже грузчиком работал. Тогда, ладно, я сам отвечу. Обычно грузчик всем представляется как силач и пьяница. Вы не смеетесь, не смеетесь. И нас, путевых рабочих, тоже где-то возле грузчиков «держат». Да и многих других вспомогательных. Все почему-то считают, что если работа потяжелее, ну, может, и не совсем черная, но «почернее», чем у других, то и пить мы должны тоже по-черному.

Насчет пьянства никогда не соглашусь. Что касается работы, тут, может, отчасти и верно. С другими цехами нас сравнивать трудно. Скажем, токари или сборщики рядом с нами—короли. Им вообще на смену в галстуках выходить можно. Они разными там тонкими приборами пользуются, в чертежах, как инженеры, разбираются, на кнопки нажимают. А у нас, как говорится, нажал на кнопку—и спина мокрая. Ну, а вместо крыши—небо над головой. И дождь нас поливает, и снег за шиворот сыплется, и под солнцепеком мы...

ХОТЬ ВДОЛЬ, ХОТЬ ПОПЕРЕК

Но если разобраться, что с того, что работа такая. Она, может, одному не по душе, а другому нравится. Хотя у нас и

потрудней, но порядок навести можно. Не хуже, чем в сборочном или механическом да и в любом другом из основных цехов. Я вам расскажу, как мы порядок наводили, как в люди вышли.

Когда несколько лет назад пришел я в тринадцатый цех, что тут творилось! Идешь, бывало, по путям, и споткнуться не обо что: рельсы на одном уровне с полотном, все грязью заросло. Хоть вдоль по рельсам езжай, хоть поперек—все едино. Когда путь в таком состоянии, вагоны то и дело с рельсов сходят. Правда, опасности никакой: скорость на подъездных путях небольшая. Но пока вагон снова на рельсы затащим, сколько времени уходит. А если ревизор с железнодорожной станции эти наши упражнения заметит, тут и штраф.

Отчего же такое безобразие происходило? Да путецам просто некогда было заняться своей основной работой. Грузчики не успевали вагоны разгружать, и нас все время кидали им на подмогу. А почему грузчики не справлялись? Да они не очень-то и хотели справляться. У них обычай был—как зарплату получают, так сразу же—«культурно отдыхать», прямо на рабочем месте. Бутылка по кругу идет...

ПРОГУЛЬЩИКИ

Досадно, что не только завязтые ша-лопаи прогуливали, но и с кадровыми рабочими такой грех случался. И нередко. Я вот на грузчиков напустился, а ведь и у нас в бригаде путеицев тоже находилось немало любителей «отдохнуть» денек-другой. Вот... Михаил Иванович, скажем. В годах уже, шестой десяток разменял, а в работе многих молодых за пояс заткнет. Одна была с ним беда—попивал.

Как сейчас помню, прогулял он как-то в самое горячее время, летом, когда у путеицев самая работа: ведь зимой под снегом пути ремонтировать не станешь. Так вот, прогулял наш Михаил Иванович и на другой день преспокойненько является, будто ничего не случилось. Я ему: «Пиши объяснительную». Среди этих объяснительных, кстати, такие шедевры иногда попадаются!.. И вот что наш герой написал: «Я прогулял в связи с приездом сестры, которую не видел восемь лет».

Вы не удивляйтесь, многие даже и оправдываться не пытались. Они, конечно, вину чувствовали, но по опыту знали, что мы с ними все равно ничего сделать не сможем. Не уволим: народу в цехе не хватает. Ну, поругаем, выговор вынесем, премий лишим или тринадцатой зарплатой. А прогульщик потом выйдет сверхурочно и все с лихвой вернет. Свой интерес он соблюдает, и дела ему нет, что из-за него, из-за его «художества» вагоны простаивают и объединение наше такие штрафы железной дороге платит, что и цифру назвать страшно.

Ходили мы постоянно в отстающих. Хотя, чтобы положение исправить, начальник цеха с темна до темна по путям мотался. Да что начальник цеха! Сам генеральный директор объединения или его заместители чуть ли не каждый день приходили к нам на планерку или очередное нарушение разбирать. Ничего не помогало.

ОГАТЕЛЪНЪИ ПЕРСОНАЛ

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

Вы только не подумайте, что такой народ в цехе собрался — хуже некуда. Не в этом дело. Если вспомогательных рабочих как следует организовать, то совсем другая картина получится.

Сейчас и подумать-то странно, а ведь раньше у нас, в тринадцатом цехе, так дело поставлено было, что каждый только о себе и заботился. Как футболист замечу: такое и в спорте случается. Народ вроде ничего подберется, если каждого отдельно взять, а вместе сложишь — нет команды, каждый за себя играет. Такая и в цехе «команда». И все это потому, что организация труда, оплата и результаты работы плохо стыковались.

К примеру, наша зарплата почти не увязывалась с конечными результатами деятельности объединения и цеха. У объединения какой показатель главный? План по реализации, чтобы всю продукцию вовремя потребителям отправить. У цеха железнодорожного основное — норма простоя вагонов под погрузкой и выгрузкой. И при этом мы, путевые рабочие, машинисты локомотивов и крановщики получали зарплату повременно. Выполнили объединение, цех план или нет, нас это почти не касалось. Не было у нас общего интереса.

Грузчики наши сидели, правда, на сдельщине. Получали они за каждую тонну груза. Что выходило? В каждой смене имелось по три бригады грузчиков. Так вот, те из них, которые состояли из старичков, обычно забирали себе все выгодные работы, а молодым оставляли что похуже. Получала молодежь поэтому негусто и потому не держалась в цехе, уходила искать где лучше. Текучесть — чуть ли не сто процентов.

Но и это еще не самое худшее. Грузчики руками и ногами отбивались от невыгодных работ. А если все-таки заставляли их эти работы выполнять, то никто особенно не торопился; вагоны неделями стояли неразгруженными. Настоящие склады на колесах.

Как улучшить положение? Все над этим голову ломали: и мы в цехе и инженеры заводоуправления. Понемногу поняли, что никаким приказом, никакими строгостями делу не поможешь, если главного не будет. А главное — каждого работника цеха заинтересовать в сокращении времени простоя вагона под грузовыми операциями. Как же это сделать? Для начала договорились так: чтобы рабочие не мешали, а помогали друг другу, всех грузчиков смены решили объединить в одну бригаду. И чтобы трудилась она на единый наряд. Причем главным показателем работы бригады-смены надо сделать не столько грузовую тонну, сколько время простоя вагона.

Когда начальник транспортного отдела объединения Зотов и начальник отдела труда Августенков нам на цехоме об этой новой системе рассказали, всем понравилось. А вот в цехе народ настроился. Боялись потерять в зарплатке. Уж как администрация и мы, члены цехкома, за новшество ни агитировали, все равно никто не хотел рисковать.

ПОРЯДОК

С большим трудом уломали Мустафина Газиза Тимировича. В цехе он давно, больше десяти лет. Хотя по возрасту молодой, он еще в футбол потом за цех стал играть. Но про футбол рассказ особый. А пока — согласился Мустафин командовать самой первой бригадой-сменой. Но согласился только в опытно-порядке, всего на один месяц: «Если дело не заладится, по-старому станем работать».

Уж как весь цех за этой экспериментальной бригадой следил! Кто посмеивался, а кто и надеялся — толк будет. И вот начали люди трудиться по-новому и через некоторое время удивились. Что такое? Никто выгодных работ ни у кого не вырывает. Вообще слов таких не стало: выгодно — невыгодно. Теперь, когда на смену выходили, то не выгодные вагоны искали, а просто интересовались, сколько вообще вагонов на разгрузке, сколько эти вагоны уже простояли. Сами рабочие решили разбить бригаду на звенья, сами распределяли между собой работу. И если одно звено справлялось со своим заданием раньше времени, оно тут же приходило на помощь другим: ведь вся смена трудилась теперь на единый наряд.

Когда работа дружнее, то и заработок выше. Но не в деньгах дело. Вы меня правильно поймите. Я и любой другой человек не против того, чтобы хорошую зарплату получать. Но все же самое главное — чтобы приятно работать было. Чтобы с удовольствием дело делать, без нервотрепки. Не я один так думаю. Недавно у нас в объединении социологи исследование проводили. И вот по их опросам получается, что главная причина увольнений по собственному желанию — неудовлетворенность организацией труда. Понимаете, не зарплатой, а организацией труда! Значит, человек прежде всего по-человечески работать хочет.

Словом, новая система людям очень приглянулась по душе. Бригада забыла, что на эксперимент-то соглашалась всего сроком на месяц. Ну, а остальные грузчики видят, как у Мустафина дело идет, и стали сами просить, чтобы их поскорее объединили в бригаду-смену. И мы, путевцы, тоже попросились в сдельщину, стали работать на единый наряд.

Может, я слишком торопливо рассказываю? Вы только не подумайте, что все эти наши перемены так — вдруг! — произошли. Нет, конечно. Время требовалось, чтобы перестроиться. Взять тот же бригадный метод. У нас его совершенствовали. Было это так. После того, как укрупнили бригады грузчиков и стали они работать лучше, простоя вагонов, естественно, сократился. Но вот какое дело. Грузчики иной раз и рады бы побыстрее поворачиваться, да как бы не так: в их смене еще машинисты локомотивов и крановщики. А они на «повременке», поэтому особенно спешить им без интереса. И тогда грузчики потребовали включить и механизаторов в бригаду, чтобы у всей смены — общий интерес. Так и сделали. Механизаторов, правда, оставили на «повременке», но включили их в бригаду, и теперь их премия, то есть весьма значительная часть заработка, стала зависеть от ре-

зультатов труда грузчиков, от времени простоя вагонов.

РЕЗУЛЬТАТ

И простои теперь удалось свести до минимума. Раньше у нас на подъездных путях вагон стоял в среднем 14 часов. А это чуть ли не вдвое больше положенного. Это при норме 7,9 часа. Представляете, какие это потери! Ведь вагоны-то могли бы бегать, а они у нас на приколе оставались. Так вот с тех пор нам и норму уже успели ужесточить, и все равно мы в нее укладываемся. Новая норма — 7,1 часа. А вагон у нас стоит теперь в среднем всего 6,7 часа.

И это не просто хороший результат. Он для всей Целинной железной дороги один из лучших. Не зря железнодорожники прошлым летом на базе нашего цеха проводили школу передового опыта. Больше ста человек собралось со всего Казахстана. И учили их на нашем примере. Газеты о нас писали. Раньше бы мне кто про такое рассказал, я бы не поверил...

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК

Но результат, он ведь не только в цифрах. Люди у нас меняться стали. Такую вещь, как часовой перекур с дремотой, теперь и представить трудно. Ведь лентяй не просто сам в зарплатке теряет, он всю бригаду подведет, всех премии лишит. Соответственно и отношение к нарушителям стало другое.

Вот есть среди грузчиков один славный парень, Вася С. Хороший работник, безотказный. К тому же балагур и весельчак — душа компании. В прежние времена любил он крепко выпить, прогуливал. Как бывало, станем его отчитывать, он все на шутки-прибаутки сведет. Ну, и махнули на него рукой, мол, человека не переделаешь. Но теперь, когда работать по-новому стали, отношение к Василию сразу переменялось. Какой он работник хороший ни будь, а раз прогулял, то вреда от него коллективу больше, чем пользы. Вася, конечно, по старой привычке после очередных своих «подвигов» попробовал отшутиться, но не тут-то было. Ребята так взяли его в оборот, что у него пропала всякая охота балагурить. И смотрим — меняться стал человек.

Так же и наш Михаил Иванович. Насел на него пару раз коллектив, и с прогулами у человека как отрезало.

И что интересно, за ум взялись все, кто в цехе по десятку и больше лет. Сначала они еще хорохорились, не нравились им новый строгий порядок, уж очень привыкли к прежней вольготной жизни. Но один в поле не воин, против коллектива не пойдешь. Мы им так прямо и заявили: или вы, ребята, ломайте свою натуру, или уходите из цеха, не мешайте нам работать нормально. А им, конечно, уходить не хочется, привыкли тут, свои все вокруг. И признали они новый порядок. Впрочем, некоторые из тех, кто в цехе недавно, не захотели со строгостями мириться. Пришлось кое-кому уйти. Кто сам догадался, а кого и мы попросили, товарищи по бригаде...

Вообще бригада теперь в силу вошла. Ее мнение — закон. Вот был у нас в цехе такой — назову его Николаем, большой лентяй. В прежние-то времена просто махнули бы на него рукой: живи, как хочешь. А теперь помучилась с ним бригада, помучилась, а потом написала докладную начальнику цеха: мол, просим этого человека от нас забрать, работать с ним не хотим потому-то и потому-то. Ладно, начальник цеха пообещал просьбу учесть. Но ведь Николая этого мало из одной бригады забрать, его надо в другую определить. В других, однако, про этого горе-работника слышали, никто его к себе брать не хочет. Да и сам-то начальник цеха цену Николаю знает и поэтому никого особенно не уговаривает. Кончилось тем, что позвал он к себе Николая и сказал ему откровенно: «Я бы, знаешь, тебя устроил. Я лично. Но ты же сам видишь, ни одна бригада тебя не берет. Ну, не хотят — и все. И ничего я с ними сделать не могу. Так что ты сам решай. Или иди к ребятам, в ножки падай, проси, или...».

Этим вторым «или» дело и закончилось. Написал Николай заявление, как водится, по собственному желанию. Но, думаю, он это свое «собственное желание» надолго запомнит. Ведь одно дело, когда человек с работы уходит, потому что с начальством не поладил. Тут и самооправдание придумать можно, мол, начальник нехорош. Но если против тебя твои товарищи, все до единого, тут тебе уже никакие самооправдания не помогут. И если не совсем еще испортился человек, то обязательно поймет, что неправильно жил, исправляться надо, пока не поздно. Получается воспитание увольнением.

А бригада все больше власти забирает. Раньше, когда народу в цехе не хватало, мы кого пополам к себе брали. Теперь по-другому. Народ в бригаде стал постоянный. Поэтому из тех, кто хочет к нам поступить, мы выбираем лучший «человеческий материал». Вот, скажем, приходит человек наниматься. Мы его брать не спешим. А ну-ка расскажи, кто ты есть и откуда, почему с прежней работы ушел. Если решим принять, то только с испытательным сроком. Месяц отработай, покажи себя. Если будем, мол, тобой довольны, тогда можешь писать заявление: «Прошу зачислить меня в бригаду путевцев».

И не мы одни. В других бригадах такой же порядок.

ФУТБОЛ

Да, не в пример прежнему дружнее сейчас живем. Интереснее. Я раньше все пытался футбольную команду организовать. Но какое там! Никого не заманишь. А теперь и спортсмены у нас нашлись. Собрал я их, и пошли мы в комитет профсоюза объединения. Так, говорим, и так, нужна нам форма: бутсы, майки и все такое прочее. На нас смотрят, как на чудо-юдо: это же первый случай в истории, когда железнодорожный цех свою команду выставляет. Шутят: «Может, вам лучше не в футбол, а в литрбол? Привычнее!».

Ах так, думаем! Ну вы нас еще узнаете. Обиделись мои ребята и играли как звери, на поле костями ложились. А в объединении команд много, игроки все друг друга давно знают, кто на что способен. И тут откуда ни возьмись — мы, «темная лошадка». Поначалу думали они нас просто шапками закидать. Но не вышло! До самого финала мы пробилась. Только второму цеху уступили. Их капитан еще посмеялся: мы, говорит, вперед вас бригадный метод внедряли, потому и выиграли.

Смех смехом, а ведь если разобраться, так оно и получается. Второй цех в самом деле первым в объединении бригадами занялся, а мы — следом. Выходит, что ни возьми: хоть работу, хоть спорт, — везде этот бригадный метод из людей коллектив делает.

А наутро после того финального матча идем мы на работу, а над проходной, как обычно, буковки плывут — световая газета. И в этой газете нас со вторым местом поздравляют. До чего же приятно читать! То все в хвосте тянулись. А тут и в соцсоревновании стали призовые места занимать и спортсменами заделаться.

ГЛАВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ

Вот я вначале говорил, что на наш цех когда-то уже рукой махнули. Мол, вспомогательный, работа некаленифицированная, тут уж не до дисциплины. Неверное это рассуждение, нелепое. Мы его на своем опыте опровергли. Я и думаю: а может, вообще не стоит делить рабочих на основных и вспомогательных? Есть в такой классификации что-то архаичное...

Вот наш цех взять. Конечно, мы никакой продукции сами не выпускаем. Но это еще ничего не значит. Предположим, наше объединение свой план выполнило и перевыполнило, столько сельхозмашин изготовлено, что и ставить их негде. Если наш цех не сумеет вовремя отправить эту технику потребителям, то считай, что и все объединение не справилось с заданием. Какие же мы после этого вспомогательные!

То же и в других коллективах. Вот читаю в газете: пустили где-то автоматическую линию, да такую сложную, что наладчиками при ней рабочие с высшим образованием. А ведь наладчиков тоже

испокон веку причисляли к вспомогательному персоналу. Но какие же они вспомогательные: не так линию отлаживают, убытки пойдут миллионные.

И потом, главные, второстепенные — плохо людям от такого деления. Тем, которые второстепенные.

Что еще получается из-за такого деления? Приходит в объединение какой-нибудь новый механизм, скажем, автопогрузчик. Куда его определить? Конечно, в основной цех. И так год за годом.

На съезде партии говорилось, что в этой пятилетке и в следующей с рабочей силой будет не густо: прирост населения не тот, последствия войны — рождаемость низкая. А если прирост трудовых ресурсов невелик, значит, надо искать, где их сэкономить, где людей высвободить. А вот они, эти люди, во вспомогательных цехах. Механизации здесь немного, в основном ручные работы. Техники бы сюда побольше. Люди бы освободились, на основные производства пошли бы.

Или труд этих так называемых вспомогательных организовать лучше, эффективнее, вот как у нас в цехе, и тоже тебе — экономия живого труда. У нас в цехе как получилось благодаря бригадному методу? За последние пять лет объем работ вырос вдвое, хотя при этом рабочий персонал вырос всего на один процент. И потому, что отнеслись в объединении к нашему цеху как к главному, всерьез бригадный метод внедрили. Сейчас, на нас глядя, другие цеха бригадами занялись. Основные у вспомогательного учатся! Отменить бы вообще это деление на основных и вспомогательных. Зачем оно с точки зрения государственной? У нас все главные. И внимание всем нужно одинаковое. И всем — в первую очередь.

Записал

Владимир МОРОЗОВ

Василий СЕЛЮНИН

ПОЧЕМУ НАДО ЭКОНОМИТЬ?

Вопрос вроде бы праздный: чем больше добра мы сэкономим, тем богаче будем. Это мы сами знаем. Экономист уточнит: затраты на мероприятия по экономии, например, топлива в два-три раза меньше, нежели расходы на его добычу и доставку к потребителю. Футуролог, то есть специалист, прогнозирующий будущее, скажет: многие природные ресурсы невосполнимы, и не столько уж осталось их в недрах земли, чтобы роскошествовать. Скажем, учет добычи нефти ведется в России с 1860 года. За первые 80 лет было извлечено из недр около 600 миллионов тонн, сейчас мы за год добываем больше. Просто рассудительный человек, наблюдающий за событиями в мире, подведет итог: кончилась эра дешевой энергетики и дешевого сырья.

Все это, конечно, верно. Есть, однако, еще одно соображение в пользу бережливости, я считаю, главное. Чтобы понять его, нам с вами надо будет вникнуть в план на XI пятилетку.

Промышленность в целом должна увеличить производство на 26—28, а машиностроение — не менее чем на 40 процентов. Стало быть, темпы развития машиностроения будут в полтора раза выше среднего по индустрии. В новой пятилетке в несколько раз уменьшится прибавка рабочих рук, и, чтобы достичь высоких темпов развития, совершенно необходимо быстрее, чем прежде, наращивать производительность труда. Без достатка новой техники это немисливо, а технику дает именно машиностроение.

Химия и нефтехимия тоже станут развиваться с опережением. Наконец, выпуск предметов потребления должен увеличиваться опять-таки быстрее, чем все промышленное производство. За такое решение, думаю, никого не надо агитировать.

Словом, если спросить, куда, в какую сторону направлены все эти структурные сдвиги, ответ будет однозначным: туда, куда целесообразней. Сложнее с другим вопросом: а откуда пойдут сдвиги? Все отрасли не могут одновременно развиваться с опережением — средний темп складывается из крупных прибавок в одних отраслях, умеренных в других и скромных в третьих звеньях хозяйства. Так вот, самые скромные приросты запроецированы в производстве топлива, электричества, сырья. Действительно, добыча нефти увеличится на 2,8—7 процентов, добыча угля — на 7,5—11,7, выработка электроэнергии — на 19,7—23,6, производство готового проката черных металлов — на 13,6—16,5, строительных материалов — на 17—19, цемента — на 12—13,6 процента.

Еще десятилетие назад хозяйственники, пожалуй, называли бы такую раскладку просчетом плановиков, несбалансированностью плана. Отныне приведенное соотношение величин становится нормой. В том и заключается поворот к эффективности, что выпуск конечной продукции должен возрастать быстрее, чем расход живого труда, топлива, сырья, основных производственных фондов, капитальных вложений. Но из нашего сопоставления следует: пятилетка может быть выполнена только при сокращении расхода ресурсов на единицу продукции. Если же такого сокращения мы не достигнем, то общий темп развития промышленности да и экономики в целом будет равен лишь темпу, заданному сырьевыми отраслями. Даже при беглом взгляде на вещи видно, что в этом случае индустрия исполнила бы разве что половину намеченного задания, а может, и того меньше. Иначе говоря, судьбы пятилетки прямо зависят от бережливости.

Известны и параметры экономии. Давайте немножко посчитаем... ну хотя бы по расходу топлива. Основные его виды — нефть, газ и уголь. Как уже сказано, прибавки добычи нефти и угля невелики, а вот добыча газа увеличивается сильно. Чтобы оценить всю ситуацию с топливом, нам надо привести разные его виды, так сказать, к общему знаменателю — к условному стандартному топливу. По такому счету за пятилетку будет добыто примерно 10,3—10,6 миллиарда тонн условного топлива. Самым обобщенным показателем экономики служит национальный доход. Если мы поделим количество топлива на сумму национального дохода, то получим так называемую энергоёмкость национального дохода, то есть добычу топлива на рубль дохода, используемого на потребление и накопление. В прошлой пятилетке эта величина составляла 4 килограмма 365 граммов, в нынешней надо расходовать, как показывают расчеты, на 170—211 граммов меньше. На первый взгляд задание не столь уж напряженное — подумаешь, какие-то граммы. А подумать имеет смысл. В минувшем пятилетии расход топлива на рубль дохода не только не сократился, а даже возрос на 26 граммов, хотя он был и прежде недопустимо высок. Как отметил товарищ Л. И. Брежнев на XXVI съезде партии, «по сравнению с лучшими мировыми показателями на единицу национального дохода мы тратим больше сырья и энергии. Стало быть, есть возможность значительно увеличить выпуск конечной продукции из уже имеющихся ресурсов».

Выигрыш одного только грамма означает экономию около 2,5 миллиона тонн условного топлива, а при исполнении всего задания новой пятилетки удастся сберечь 425—525 миллионов тонн, что соответствует годовой добыче каменного угля.

XXVI съезд партии выдал директивы по расходу и других ресурсов. В машиностроении предстоит уменьшить нормы расхода проката черных металлов не менее чем на 18—20 процентов, в строительстве надо обеспечить экономии 7—9 процентов проката и лесоматериалов, 5—7 процентов цемента.

Теперь уже ясно, что эти задания следует считать минимальными. Ситуация в экономике усложнилась. За восемь месяцев первого года пятилетки угольная отрасль задолжала без малого 16 миллионов тонн топлива, причем сравнительно с тем же периодом 1980 года вместо запланированных приростов получилось падение добычи на 6,6 миллиона тонн. Правда, газовая промышленность план перевыполняет, но сверхплановый газ отнюдь не возмещает недобора угля. Черная металлургия за этот же срок недодала больше двух миллионов тонн готового проката. Придется уменьшить расход этих ресурсов даже сравнительно с напряженными нормами — другого выхода у нас нет. Иначе с самого начала пятилетки будет накапливаться общее отставание экономики от тех заданий, которые объявлены и одобрены.

МЕРА ПОТРЕБНОСТИ

Нужно управлять расходом ресурсов. Плановое хозяйство предоставляет для этого достаточно надежные способы. В самой пятилетней программе содержатся меры стратегического свойства, исполнение которых даст заранее известный эффект. Так, в первом году пятилетки выработка электричества возрастает на 45 миллиардов киловатт-часов, из них почти 30 миллиардов падает на долю атомных, а также гидроэлектростанций. Это позволит сберечь примерно восемь миллионов тонн топлива. А за всю пятилетку свыше 70 процентов прироста производства электричества дадут ГЭС и АЭС. Треть заданной экономии металла обеспечат сами металлургии, увеличив выпуск экономичных профилей проката. Химики станут производить больше синтетиче-

ПЕРВЫЙ ЛОМОТЬ — МАСТЕРУ

Сегодня я с улыбкой вспоминаю то занятие по вождению трактора, а два года назад мне было стыдно, горько, и больше всего я боялся расплакаться. Я никак не мог запустить двигатель, а рядом стояли товарищи по группе и мастер Сергей Сергеевич Первых. Никто не смеялся надо мной, но и на помощь прийти не спешили. Я чувствовал свою вину: несколько теоретических занятий пропущено без уважительных причин. Я попросту уходил по своим, как мне тогда казалось, важным делам.

Мастер подошел и положил свою тяжелую руку на мое плечо: «Теперь ты понял, что без знаний не сможешь стать хозяином машины?» Для меня это было доказательнее долгих нотаций. До сих пор помнится полученный тогда урок...

Мастер... За два года учебы в училище он стал самым близким человеком не только для меня. Он знает о нас все (и не только хорошее), но не было такого, чтобы он обидел, унизил кого-либо из нас. Он учит нас болеть за товарища, уметь прийти к нему на помощь, строго спросить за совершенный проступок.

В группе хорошо помнят случай, который произошел на практике. В тот день шел нудный, серенький дождь. Пахать было нельзя, и до обеда мы не выходили из домиков. Отделение это расположено далеко от центральной усадьбы, и из-за дождя хлеба в тот день не подвезли. К столу подали черствый, вечеринный. Один из наших ребят швырнул кусок хлеба в сторону и выругался: «Мы даже не успели ничего соорудить, как по столу грохнул кулак мастера: «Мальчишка! Как ты смеешь?!» Мы никогда не видели его таким разгневанным... Стогла гнетущая тишина, а он, тяжело повернувшись, вышел из комнаты. Спустился часа два Сергей Сергеевич пришел, сел на кровать к тому, бросившему хлеб и рассказал нам историю давней военной поры, когда он, тогда еще сам мальчишка, впервые познал цену хлеба.

Мать его раз в неделю продавала путь в тридцать километров туда и обратно, чтобы на толкучке обменять кое-какие вещи на кукурузную муку. А дети оставались дома и до ночи ждали ее возвращения. За день дети старались прибраться в комнате, чтобы хоть этим порадовать мать. Измученная, замерзшая, она входила в дом, внося с собой жизнь. И, забыв голод, дети бросались прежде к ней, матери, а не к мешку. А потом месили тесто, пекли кукурузные лепешки, акуснее и слаще которых не было ничего на свете. Первый кусок — маме, правда, она всегда передавала его младшенькой. И ели, боясь уронить хотя бы крошечку.

А потом, обращаясь к тому парню, мастер сказал: «Трактор ты водить хорошо, но ценить хлеб и труд я тебя не научил. Не уверен, станешь ли ты настоящим хлеборобом». Больше никто не сказал ни слова. Но мы точно знаем, что был еще разговор у парня с мастером. О чем они говорили — это осталось для нас тайной. А вот слова его о настоящем хлеборобе заставили и нас о многом задуматься.

Есть у меня мечта: вот окончу училище, начну работать. И из первой же пшеницы, выращенной своими руками, испеку душистый каравай. Первый ломоть — Мастеру.

Владимир НЕУМЫВАКИН,
СПТУ-23
имени Джамбула,
с. Узун-Агач,
Алма-Атинская область

ских смол и пластиков, каждая тонна которых заменяет до 3—4 тонн проката. Судьба такого рода акций общегосударственного масштаба в целом не вызывает особой тревоги — под них выделены все необходимые ресурсы. Но, как правило, это дорогие мероприятия. Между тем непосредственно на предприятиях-потребителях можно получить громадный эффект при скромных затратах. Недавно мне довелось побывать в Тернополе, в производственном объединении «Ватра». Здесь создано крупнейшее в Европе производство дросселей для ламп дневного света. По плану, составленному специалистами «Ватры», выпуск дросселей предполагается довести в 1985 году до 13,5 миллиона штук. Что это даст? Люминесцентные лампы поглощают в пять раз меньше электричества, нежели лампы накаливания. Светильники, укомплектованные тернопольскими дросселями, в конце пятилетки потребуют при горении примерно на 20 миллионов киловатт меньше мощности, чем лампы накаливания. Сравните: на всех атомных станциях за пять лет будет введено 24—25 миллионов киловатт новых мощностей. Эффекты сопоставимы, а затраты, как вы сами понимаете, очень даже различны. Суть вопроса, однако, в том, что для развития атомной энергетики не нужно

Как тут быть? Лучше всего поручить бы нормирование нейтральной организации, хоть тому же Госснабу. Однако эта работа ему непосильна. Возьмем для примера какое-нибудь простенькое изделие — вот хотя бы шариковый карандаш, которым я пишу эти заметки. На него израсходованы два сорта пластики, латунь, сталь, паста — значит, надо пять расходных норм. А сколько их потребуются на автомобиль одной модели? Тысячи. Всего же наше хозяйство выпускает не менее 12 миллионов видов продукции. Конечно, на верхних этажах планирования пользуются укрупненными нормами. Но чтобы найти норму, допустим, на один условный подшипник, все равно надо исчислить прежде расход материалов на все виды реальных подшипников. Словом, никакой сверхорган не сможет составить сотни миллионов норм и ежегодно пересматривать их.

Так или иначе придется доверить дело самим предприятиям, пусть и под контролем сферы управления. Тогда задача разрешима, ибо и сегодня на производстве не тратят ценности без меры и веса. В известном смысле вся наша жизнь пронизана нормированием. Обед приготовить — и то мера нужна, хорошая хозяйка сообразует не только с кулинарной книгой, а еще и с

с лихвой возместит эту потерю зарплата иным способом. Чтобы все стало ясно, расскажу одну историю, которую мне только что довелось расследовать. В тресте «Калининстройтранс» отчеты показали нечто противоречащее здравому смыслу. Обычным порядком шоферам выдают здесь талоны на горючее — само собой, по строгому счету. Другая учетная форма улавливает расход горючего по путевым листам. По идее цифры должны сходить: сколько бензина получено, столько будет и истрачено. Вышла, однако, накладка. За три месяца по трем автобазам треста списано на полтора тонна больше горючего, чем могли получить водители по талонам. Как так? Уж не покупали ли шоферы бензин за собственные деньги на автоколонках?

Нет, таких чудес не было. Все гораздо проще. Основная зарплата водителя зависит от исполненных тонно-километров, то есть от веса перевезенного груза, помноженного на расстояние доставки. Не сумев как следует организовать работу, руководители транспортного треста допускали систематические приписки. Например, вывозка отходов с местного домостроительного комбината была завышена в четыре раза, приписаны многие сотни тысяч тонно-километров. Только в виде зарплаты шоферы получили лишних десять тысяч рублей. Один ловкач полтора месяца не выезжал на линию, но исправно сдавал поддельные путевые листы и отхватил по ним 860 рублей.

Обман сразу вылезет наружу, если не избавиться от «лишнего» бензина. Только по операции «Мусор» незаконно списано около 108 тысяч литров горючего — по нынешним ценам оно стоит около 40 тысяч рублей. После того, как недобросовестные водители отчитывались за выданные им талоны, все равно оказывалось, что горючее истрачено недостаточно — на приписанные перевозки его требовалось больше. Вот откуда возникал мифический бензин сверх полученного по талонам. Но прежде надо было любым способом потратить талоны.

Добро, если просто выбрасывали их. А ведь и хуже бывает. Мы никогда не узнаем, какую часть «сбереженного» бензина водители продали владельцам личных машин, сколько добра слили в канаву. Не узнаем потому, что Калинин стоит на оживленном тракте, и на автоколонках невозможно учесть, чьи талоны отоварены. Несовременная система учета и — расточительство. Яснее картина в городах, расположенных на отшибе. По моей просьбе тюменский журналист Юрий Беланов запросил в областной ГАИ сведения на сей счет. В Нижневартовске, Нефтеюганске, Мегионе, Лабитнанги и Надыме пока нет колонок для заправки ни казенных, ни частных машин (горючее выдают прямо на автобазях). Между тем там зарегистрировано 10,5 тысячи частных авто-

машин и 2,6 тысячи мотоциклов. В тех краях повальное увлечение моторными лодками. На каком же, спрашивается, горючем движется вся эта техника? Я слишком уважаю читателя, чтобы все-таки отвечать на такой вопрос. Знаюки полагают: в целом по стране примерно четыре миллиона тонн дармового казенного бензина ежегодно поступает в баки частных машин.

А что тем часом покажет расходная норма? Колоссальную экономию. Да-да, не удивляйтесь. Вспомните: на домостроительном комбинате вывозка мусора преувеличена в четыре раза. Значит, водитель списывал горючее на сотни километров пути, проехав всего 25 километров. Сколь бы расточительно он ни тратил бензин, по отчету уложится в самую жесткую норму.

Есть мыслители, склонные утешиться тем, что в нашем общенародном государстве подобные вещи не могут стать массовым явлением. Что ж, оно верно, большинство водителей ни при каких обстоятельствах не станет губить народное добро, обманывать государство. И все-таки это плохое утешение: расточительства не должно быть вовсе. Замечательно, что сами рабочие ищут и находят экономическое решение проблемы. Об этом рассказал мне калининский шофер Анатолий Фомиченко. Он был одним из организаторов бригады водителей. На перевозке грунта члены бригады без всяких приписок зарабатывают по три сотни в месяц. В бригаду входят экскаваторщики и бульдозеристы из обслуживаемой строительной организации, и весь коллектив получает вознаграждение за конечный результат труда. Истинное решение задачи достигается, когда сломаны ведомственные перегородки, когда бригада включает в себя и водителей и тех, кого они обслуживают. А как известно, в нынешней пятилетке бригадная форма организации труда должна стать преобладающей.

Обратите внимание: начав разговор об экономии ресурсов, мы с вами подошли к общим вопросам организации труда. В том есть своя логика. Лимиты, нормы, стимулы, короче, вся система управления расходом ресурсов есть лишь составная часть общего хозяйственного механизма. А безотказно действует тот механизм, в котором все детали подогнаны одна к другой, действуют во взаимном сцеплении. Совершенствование хозяйственного механизма, намеченное на нынешнюю пятилетку, как раз и дает пусковую импульс всей программе экономии.

ДИДАЛЕКТКА БЕРЕЖЛИВОСТИ

**или несколько соображений
о роли и значении экономии
для успешного выполнения
заданий XI пятилетки**

прямого участия потребителей: им все равно, с каких станций поступает энергия. А вот проект, выдвинутый «Ватрой», мыслимо провести в жизнь лишь в том случае, если бесчисленные заказчики будут заинтересованы в замене обычных светильников экономичными. Вот почему вводится жесткое нормирование расхода ресурсов. Именно этим способом и намечено получить решающую долю заданной экономии топлива, электроэнергии, проката, горючего для автомашин и прочих ценностей.

Одновременно с производственным планом предприятие получает нормы расхода материальных ресурсов на единицу продукции, причем нормы положено ежегодно пересматривать. Такой порядок вводится сверху донизу: союзный Госплан выдает нормативы министерствам, ведомствам, союзным республикам, те доводят их до объединений и предприятий, руководители предприятий определяют дифференцированные нормы цехам, участкам, бригадам.

Дело это отнюдь не простое. Помню, на коллегии Госснаба СССР один из руководителей Красноярского управления снаожения поведал довольно-таки грустную историю. Начинается создание огромного Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. В строительных организациях, которые набирают силу в этом регионе, около шестисот человек готовят заявки на материалы. Красноярские снабженцы по долгу службы выборочно проверили заявки и дружно схватились за головы — почти во всех случаях расходные нормы были завышены. Расчет ясен: заказать материалов с избытком, чтобы потом не бедствовать даже при срыве некоторых поставок.

семейными доходами. Не верите — спросите у матери.

Почему же хозяйку не нужно особо контролировать, почему она сама стремится вести дом экономно? Ответ очевиден. Точно так же в нашем общем большом хозяйстве материальный интерес должен побуждать исполнителей к соблюдению и ужесточению норм. Посмотрим, какие тут есть резервы и проблемы.

ТВОЯ ЛИЧНАЯ ВЫГОДА

В прошлом году до 30 процентов стоимости сбереженного горючего, до 55 процентов цены сэкономленного электричества разрешалось расходовать на премирование. С нынешнего года разрешено выплачивать в виде премии до трех четвертей стоимости сбереженных ресурсов. Есть еще более радикальные проекты. Вот недавно в печати было высказано предложение выдавать шоферам не талоны, а живые деньги на покупку горючего, но, конечно, по жесткой норме. Легко сообразить, что тогда сто процентов стоимости сбереженного бензина водитель положит в карман. Государству все равно выгода — горючее-то не растрачено, его можно продать владельцам частных машин или другим странам.

Казалось бы, при таких стимулах дело пойдет само собой. Но экономика — штука сложная. Не столь уж редки ситуации, когда одни стимулы перешибаются другими. Порой оказывается, что выгодно как раз расходовать возможно больше материальных ценностей. Конечно, в данном случае транжир не получит доплат за экономию, однако

Наш человек славен трудом. И невозможна в такой социальной практике мораль без уважения к плодам труда Мастера, без почтительного отношения к любой материальной ценности, без экономного использования всего того, чем богата наша земля. А богат не тот, у кого много добра, а кто умеет считать и беречь это добро, понимая, что природные и другие ресурсы страны — это не бездонный клад, не подарок на сегодняшний день и понятие отнюдь не абстрактное. Это НАШЕ богатство, от которого зависит достаток каждого сегодня и благополучие тех, кто придет за нами...

Больно видеть хлеб, брошенный под ноги посреди большого города, драгоценный уголь, пропадающий вдоль железнодорожных путей. И, конечно, нужны совершенно конкретные практические меры, которые позволят сделать рационализм нормой нашего труда, всей нашей жизни. Бережливость должна стать не только нравственной, но и экономической категорией.

Тахафи АХТАНОВ,
писатель

**ИТАК, МЫ ЖДЕМ ОТ ВАС, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ,
ПИСЕМ О СВОЕМ МЕСТЕ
И МЕСТЕ СВОИХ КОЛЛЕКТИВОВ
ВО ВСЕНАРОДНОМ ПОХОДЕ ЗА ЭКОНОМИЮ**

ВЫЮГА В ГО

Иван УХАНОВ

РАССКАЗ

Юрию БОНДАРЕВУ

Уже к полудню серое снежное небо опустилось на крыши домов, и в городе стало как-то спешно, раньше срока смеркаться, вечереть. Ветер с заунывными посвистами гнал по земле волны белесой дымящейся пыли. Да и не было уж ни земли, ни неба, все смешалось в снежных вихрях морозной бури, все куда-то неслось, ломилось, пропадало, и темные силуэты домов-пятиэтажек, нечасто стоящих вдоль улицы, казались гибнущими от свирепого шторма кораблями. Яша Опарин, весь закуржавленный, белый, как мельник, ввалился в свою квартиру на уютном втором этаже и, закрыв за собой дверь, сразу как бы оставил позади и ошалелую выюгу и усталость. В прихожке его встретили Лиза и Василек — жена и шестилетний сынишка, какие-то особенно родные и нужные ему сейчас, в пору этого скулящего за окнами ненастья.

Лиза, невысокая, крепенькая, приятно веснушчатая, взглянула в его жесткое, грубо красное, всеми ветрами продубленное лицо и по привычке помогла снять ватник и тяжелые, с резиновой подошвой валенки. Она знала, как нужны Яше эти ласковые мелочи, теплые ее руки, знала, как нелегко ему бывает там, в студеном поднебесье, на семи ветрах... При плохом настроении у человека даже на земле дело не клеится, а на головокружительной высоте и подавно. Унывать монтажнику-верхолазу никак нельзя, по долгу службы не положено. Заботясь о душевном благополучии мужа, Лиза, однако, не теряла надежду отлучить его от опасной этой профессии. Для золотых Яшиных рук и на земле нашлось бы дело. Заведут об этом разговор, накричатся, наспортятся... Стычка заканчивается слезно-беспомощными угрозами Лизы: «Только разбейся у меня, я тебе тогда!.. Вот только разбейся...»

За ужином Яша не без горести пожаловался:

— Лихачит, прямо-таки хулиганит ветер. Не работа — мучение. А каково тому, кто сейчас в пути, за городом?..

Засыпая, Яша прильнул к теплой груди Лизы. Она обвила его плечи легкими руками и затихла. Едва они заснули, как раздался телефонный звонок — резкий, неурочный. Яша на ощупь нашел трубку, с полминуты прижимал ее к уху.

— Хорошо, — буркнул он и встал с кровати.

— Кто звонил? — спросила Лиза и нехотя потянулась к торшеру, защелкала кнопкой.

— Не трудись... Во всем городе нет света. Лопнул шлейф гибкой связи на втором блоке ГРЭС. А первый — на ремонте. Главный инженер звонил, машину сюда выслал.

— За тобой? Но при чем тут ты? — Лиза прыгнула с кровати, пошла в кухню искать спички и керосиновую лампу.

— Всю бригаду приглашают.

— Лезть на высоту, да?

— В такую погоду верхолазы не работают.

— А зачем же вызывают? — Лиза поднесла зажженную спичку к своему припухшему лицу, и Яша отвел взгляд от ее вопросительно-испуганных глаз. Он не знал, что ответить.

— А что такое — шлейф гибкой связи? — спросила она.

— Это алюминиевые дуги. Они подвешены на гирляндах изоляторов. Гирлянды эти крепятся на мачтах-опорах. По шлейфу ток от энергоблока идет к электропроводам. Вот он и лопнул... Поэтому отключено весь энергоблок. А это триста тысяч киловатт. Понимаешь?

— Понимаю. Это половина Днепрогэса, — подчитала зачем-то Лиза, и ей стало понятно, почему так торопится Яша, она и сама вдруг заторопилась приготовить ему поест.

Яша с аппетитом проглотил яичницу, оделся, кинул в губы сигарету, чтобы в подъезде сразу же закурил, и шагнул к двери. Лиза догнала его на пороге, дернула за рукав и умоляюще пригрозила:

— Вот только разбейся! Я тебе тогда...

Но довершать прерванный сон Лиза не стала. Где уж спать? Теперь до возвращения мужа глаз не сомкнет, делать ничего не сможет, все из рук будет валиться...

Прибирая кровать, Лиза вспомнила недавний разговор с Петей Климовым, самым молодым, двадцатилетним верхолазом. Почти вся бригада монтажников новогодье справляла на квартире Опаринах. Любитель пофрантить, Петя пригласил Лизу на танец и щегольски развлекал ее рассказами:

— У нас, как у военных летчиков в бою. Я, например, работаю в паре с Яшей. Если на точку идет он, я страхую его. И наоборот. Короче, жизнь друг другуверяем. Вот было... в сильный ветер монтировали эстакаду. Я не заметил, как соскользнул, отцепился у меня карабин, ну, страховая пояс. Яша увидел, схватил меня, когда я уже падал...

Лиза замирала от страха после таких простодушно-веселых рассказов Пети.

К полудню выюга помаленьку стала стихать, но еще свистела, буровила сугробы, белыми космами скидывалась к небу, нороя задымить то там, то сям проглядывающие в нем голубые оконца. Не ведая, когда вернется Яша, Лиза, однако, ко времени сготовила обед и в нервном ожидании сидела с Васильком на диване, взглядывая то на часы, то на телефон.

— Свинский характер! Ушел — пропал. Неужели нельзя позвонить?! — громко возмущалась она, вовсе не стесняясь Василька. Какой-никакой, но рядом был все же собеседник.

— Мам, ты говорила, что у меня палин характер. Покажи, где у меня характер? — допытывался Василек.

— Перестань! — отмахнулась Лиза. — Характер нельзя показать, как игрушку... Вот где он сейчас, наш папа? Опять ползет?..

Прошло еще немного вот такого тягостно-неспешного времени, и тут вдруг вспыхнула лампочка в торшере, включенная еще ночью. «Ага, значит, верхолазил все-таки. Ну, погоди. Вот только завяси!..» — с какой-то мстительной отравой подумала Лиза, и слезы обиды и гордости за Яшу покатались по щекам.

Яша пришел очень усталый. Сил у него хватило лишь на слабую улыбку. На все расспросы, с которыми подскочила к нему Лиза, он ответил тихо, одной фразой:

— Порядок. Там...

И ткнул пальцем вверх: то ли в потолок, то ли в зажженную люстру.

Похлебая горячего борща, он повеселел малость, попросил собрать ему белишко в баню.

— Хоть неважно погодка, но пойду... Что-то перенапрягся и передрог лишку...

— А говорил, что в такой ветер верхолазы не работают. Кто ж послал тебя? — сострадатель-но выпытывала Лиза.

— Никто. Послать, приказать никто не имел права. Сам полз. Мы с Петей Климовым вызвались...

— Но почему полз ты... с Петей, а не другие? — негодующе-жалобно закричала Лиза и затрясла над поникшей головой мужа обеими своими кулачками.

— Не знаю, — негромко сказал Яша. Он сидел за столом в позе виноватого человека, изредка вскидывая на жену усталые глаза.

— А ты... ты хоть подумал о нас?

— Думал. Я вспомнил, что нынче суббота и ты собралась стирать. Но как ты включила бы стиральную машину без электроэнергии? Потом вспомнил еще, что... свадьба же у Гали Косициной, нашей нормировщицы. В трестовском кафе наместили. Но что за свадьба без света?.. Да и главного инженера жалко было — бледный, как снег. Еще бы: такая авария...

— Ох, какой ты сердобольный для всех. Прямо герой. А по-моему, ты самый настоящий издеватель... Трудно было позвонить? Весь день ждала... Это ж такая мелочь — взять и позвонить, — всхлипывая, все тише выкрикивала Лиза.

— Мы же на высоте работали. Когда звонить?.. Все начальство внизу собралось, каждое движение наше стерегло... Когда мы с Петей спустились вниз, Паратов, наш главный, обнял и расцеловал меня. А у Пети спросил, какой у него разряд. Петя ответил: третий. Главным ему тут же при всех объявил: «Отныне четвертый будет».

— Гер-рои...

— Тебе виднее, ты педагог, детискай книги про героев читаешь... А по мне, это работа. Кому-то надо было ее делать. Но быстрее и лучше нас вряд ли кто сумел бы.

— Молодец, чего уж... Вообще подруги иногда легче совершать, чем всегда, каждый день, быть нежным и внимательным... Вот попробуй не любить теперь Яшу Опарина, когда его весь город благодарит и целует...

Яша шагал по заснеженному тротуару и в мыслях улаживал спор с Лизой. Хотелось понятнее ответить ей. Да и себе тоже, а заодно и корреспонденту трестовской многотиражки, который допымал его все тем же вопросом: «Зачем ползет?», — только выражал его иными словами: «Что толкнуло вас на этот мужественный поступок?» — «Не знаю», — ответил Яша. — Надо было кому-то... Авария же».

Порывы ветра, толкавшие в грудь, заметно послабли и лишь напоминали, как крепок и морозно колочит этот повисший над севером там, на семидесятиметровой высоте. Он высекал из глаз слезы, комкал и сносил летящие с земли команды главного инженера, и верхолазам приходилось соображать самим, надеяться во всем только на себя. Сперва они поднялись на крышу главного корпуса ГРЭС, а оттуда по высотной мачте-опоре взобрались к гирляндам толстых изоляторов. Чуть передохнув, стали спускаться по этим гирляндам к концам лопнувшего шлейфа. Ветер, как хотел, раскачивал их, мороз леденил губы, дыхание, доставал и сковывал в меховых перчатках пальцы рук. Валенки скользили по изоляторам, к которым они пристегнули себя монтажными карабинами. Второй час мерзли, коченели, а самое трудное было еще впереди — гайки надо было отвернуть, снять лопнувший шлейф, спустить его на лебедке вниз, затем поднять и точно завести, зашпалить новый... Климов стучал кулаками и, чуть не плача, кричал одеревеневым ртом частушки...

То ли от воспоминаний этих, то ли от холода Яшу охватывал озноб, и, несмотря на скорый шаг и теплое пальто, он никак не мог согреться. — Простудился, кажись. Скорее в парилку — и сразу будет порядочек, — подходя к бане, весело-утешающе подумал он. Когда взялся за скобу входной двери, то вдруг услышал за спиной визгливо-резкий лай собаки. Яша оглянулся и увидел справа, у входа в баню, маленькую рыжую собачку.

Мимо нее пробежали струйки поэмки, она сотрясалась от холода и не могла никуда деться: поводок был привязан к торчащей из снега железной скобе, о которую в дождливые дни посетители очищают грязные подошвы. Вот собачка метнулась за кирпичный угол бани, желая схорониться там от ветра, но поводок натянулся и не пустил ее туда. Собачка с визгом яростной беспомощности рванулась вспять и стала грызть поводок. Пока Яша стоял возле двери, в баню вошли два или три человека. Собачка по очереди робко приласкивалась к каждому из них и, путаясь в ногах, вбежала по ступенькам бетонного крыльца бани в надежде прошмыгнуть в дверь, в теплое нутро здания. Но в тот момент, когда дверь отворялась и волна теплого воздуха опахивала собачку, поводок натянулся и резко остановил ее, а дверь захлопывалась перед самым ее носом. Эти неудачи повторялись, наверное, уже много раз, но собачка, ища спасения, продолжала метаться, бегать от угла бани до входных дверей — куда отпустил ее трехметровый поводок.

Но вот она заметила Яшу, подбежала, села в двух шагах от него, глядя с вопросом ему прямо в глаза и жадно, нетерпеливо дожидаясь чего-то. Яша только понаслышке знал о породах собак, был к ним безразличен, но эта рыженькая бедолага приглянулась ему. Даже в таком своем несчастье она выглядела привлекательно, не походила на какую-то потертую бездомную шатуху, которую шалуны могли привязать вот так для потехи. Нет, это была ухоженная, знавшая заботливую руку хозяина собачка.

Он глядел в черные, чуть нависшие, красивые, блестящие, наверное, от слез глаза собачки, а думал о ее хозяине, который по каким-то немислимым соображениям устроил ей эту казнь.

Дрожа всем телом и нетерпеливо переступая на сыпучем снегу лапками, рыженькая с неистовой надеждой глядела на него, готовая мигом отозваться на любой его жест внимания. Яша же остолбенело стоял и, как собачка, клался зубами от холода. Это его бездействие было непонятно ей, возмущало ее, наверное, она тоскливо заскулила, а потом вдруг залилась жутким, каким-то гневно-рыдающим лаем, и в нем слышались мольба, отчаяние и вопрос. «Что вы делаете со мной? За что?!» — будто кричали ее горячие глаза, как бы жаловался этот плачущий и уже осипший на морозе безответный лай.

«Вот наказание-то, хуже не придумаешь, — озадаченно завертел головой Яша. — А ведь есть же хозяин, коль привязана...»

Он поманил рыженькую, она завляла коротким хвостом и, сдерживая резкое — это угадывалось по всему — желание броситься навстречу зову, не спеша, осторожно подошла к нему. Яша присел и погладил ее по вздрагивающей спине. Собачка сдавленно застонала, потом радостно взвизгнула, будто захлебнувшись восторгом благодарности, и прижалась к Яшиным коленям.

— Озябла? Э-эх... Но ты погоди, рыженькая, не липни ко мне. Надо же выяснить, кто тебя забыл тут? — пробурчал Яша и, нехотя оторвавшись от собачки, зашагал к двери.

РОДЕ

Рисунок Виктора БЫЛИНКИНА

В кассе приобрел билет и на редкость хороший веник, который наверняка посулил ему близкое блаженство в парильне. Сдавая пальто, спросил у девушки-гардеробщицы:

— Это чья ж, слышите, собачка там привязана?

— Кто знает? Народу тут всякого... Может, сам моется, а собака на морозе. Давненько она там скулит, аж тошно.— устало возмутилась гардеробщица, взяла Яшино пальто и небрежно ловко кинула его на вешалку. Девушка была молода, яркого цвета, но не в меру, как-то ненужно, печально толста и, пожалуй, от этого груба и сердита.

— Она ведь замерзнет. Маленькая... А если ее сюда пустить? — нетвердо предложил Яша.
— Еще чего!.. Ладно. Возьми номерок, гражданин? И шагайте.— скучно сказала гардеробщица, а когда он повернулся и пошел в мужское отделение, она добавила вдогонку: — Может, ее специально забыли. У магазинов, на дачах вот так привязывают и бросают. С поездов выкидывают, чтобы не догнала, не нашла...

«Ничего. Сейчас выйдет хозяин и заберет рыженькую».— утешал себя Яша, поднимаясь по ступенькам на второй этаж. Встречь ему прошли мужчина и паренек — с распаренными, в бисеринках пота лицами. «Вот кто-то из них, наверное...» — угадывал Яша хозяина рыженькой.

В просторном предбаннике, куда он вошел, почти все места были заняты. «В такую погоду сюда могли притащиться лишь заядлые парильщики. Вот уж полечимся!» — Яша с отрадой взглянул на небольшую очередь,сел в крайнее креслице и, чтобы занять себя чем-то, достал из сумки газету, в которую Лиза завернула ему белье.— номер трестовской многотиражки «Строитель». Сразу же вспомнились остроглазый паренек-корреспондент, его восхищенно-прищепистые вопросы, отвечать на которые было трудно и неловко. Паренек дознавался до чего-то такого, чего на самом деле вроде бы и не было. Любивший иногда покрасоваться, Петя Климов на этот раз, донельзя прочерневший на морозе, едва не плача, спустился с опоры на землю и долго не мог отстегнуть непослушными пальцами заиндевевший карабин. И потом уже, отогревшись немного в прорабском вагончике, он приметил человека из газеты, но на вопросы его отвечал, как и Яша, неохотно и недоверчиво: уже слишком ясно и понятно корреспонденту было все то, что они сами не могли толком объяснить. Получалось, Яша и Петя потому такие хорошие и смелые парни, потому самоотверженный поступок совершили, что в их бригаде процветают большая дружба и взаимовыручка, метод бригадного подряда и хозрасчет, соревнования налажено... Корреспондент отчасти был прав, но как-то мелко, налегке прав, и Петя грубовато запротестовал:

— Чтой-то вы наладили: «самоотверженный труд», «самоотверженный труд»... Где ни попадя слова эти ставите. А по-моему, коль хорошо я сработал, то не отверг, а утвердил себя трудом. Разве не так? Это ж в дедовские времена, в тридцатые годы ни техники хорошей, ни жилья... Чтоб отлично сработать, строителю надо было лишать себя многого, забыть там про всякий свой интерес... Теперь жизнь иная. И никакие мы теперь не самоотверженные, а нормальные...

— Ага.— Яша поспешил поддержать Петю.— Вот у нас крановщица тетя Клава... Стали ее недавно на пенсию провожать, и тут председатель профкома с трибуны опять это самое заявляет: «Все мы знаем Клавдию Петровну как самоотверженную труженицу...» Да ничего и никого она не отвергала. Работала молодцом, на совесть — вот! За это ее орденом наградили, квартира отличная у нее, пенсия в сто рублей...

Ни Яше, ни Пете, наморозившимся до полусмерти, не желалось соглашаться с корреспондентом, считавшим их чуть ли не героями. Да, на них, по-обезьяньи карабкающихся по железным конструкциям мачты, снизу смотрели как на храбрецов-удальцов, соперничали. И они там, на высоте, знали, чувствовали это и поэтому не могли, не смели попятиться, спасовать, не смочь. Жалко и страшно было бы после смотреть в каменное лицо сгорбившегося как будто бы под тяжестью огромного личного горя Паратова...

Теплый свет электрической лампочки ярко-празднично лучился в предбаннике. «А не поусердствуй мы с Петей, банька вряд ли сейчас работала бы».— с навязчивым самообольщением подумал Яша и даже пожалел, что сидящие рядом с ним мужчины не ведают, кого благодарить им за этот светлый уют. Но тотчас стало неловко от этой мысли. Вспомнилось, с какой подсмешинкой Лиза сказала «Гер-рои». А ведь Лиза — человек прямой, зря не скажет...

Яша отложил газетку и прислушался к мирно гоготавшим мужчинам. Заядлые парильщики наперебой, с какой-то сладкой угрозой сообщали друг другу, что припасли для сотворения сухого «вкусного» пара: кто прихватил настой эвкалипта, кто хлебного кваса, кто раздобыл сухой горчицы... Яша и сам был мастер поддавать в печь, добавляя в воду разные снадобья. А нынче в спешке забыл их взять и благодарно слушал запазливых парильщиков, предвкушая благоухание целебного банного зноя, который стоговить при умении нетрудно: плесни на раскаленные голыши кваску — и ударит в нос жаркий дух свежеспеченного хлеба, а в каменку кружку березового сока — и в парильне дышитесь уж, как в летнем лесу...

— Пивка бы после баньки... Но, говорят, кончилось,— с сожалением вздохнул круглолицый, с набрякшими подглазницами седоватый крепыш.

— В вашем возрасте пора отказаться от пива не только в бане, но и вообще... — посоветовал ему высокий парень с короткой черной бородой на матово-бледном лице. Он стоял перед узким, вделанным в стену зеркалом и крохотными ножницами вылавливал, состригал торчащие кое-где из бороды волоски.

— Что возраст? Да я здоров как бык, даже не знаю, как быть.— с веселой хрипотцой погордилсь крепыш.

— У вас же отеки... почки шалят.

— А вы кто, доктор? — недоверчиво покосился на бородатого крепыш и смолк, уличенный в незлом своем, но наглядном пороке. Он как-то суетливо потер будто только сейчас обнаруженные мешки под глазами и уступчиво сказал бородатому: — Вы, может, и правы, но давайте не будем... а то разлазеемся еще. А склочным да нервным в баню купаться не ходи...

— А ведь это его собачка замерзает. Такой вот... Рассеянный и мог забыть... — глядя на крепыша, смекнул Яша и тихо спросил:

— Это ваша собачка там у входа привязана?

— Какая собачка? — не понял крепыш.

— Слышите, скулит?.. Кто ж так делает, бросает?

Все молчали. Крепыш поднялся с креслица, подошел к окну, приоткрыл форточку и заглянул вниз.

— Да, чья-то там собачонка... Точно,— сообщил он и отошел от окна.

— Нынче на собак в городах мода, как на хрусталь, ковры и личные машины,— заметил крупоплечный, спортивного вида парень, сидящий рядом с Яшей.— Пока украшает квартиру — нужна, а чуть что не так — выбрасывают, как старую игрушку.

— При чем тут мода? — не согласился бородатый.— Моего знакомого много раз гусно предавали, особенно женщины. Он купил и вырастил великолепного дога Майкла и в дружбе с ним обрел душевное равновесие.

— Чую, у вас тоже есть собачка.— Крепыш подмигнул бородатому.

— Не собачка, а прекрасный эрдельтерьер,— гордо уточнил бородатый.— Симпатяга. Вернейший друг.

— Но ваш эрдельтерьер только ваш друг. А кто для него я, например, или вот он? — спросил бородатого Яша.— И кто для вас та собачка, что мерзнет там на ветру?

— Не понимаю вас.— Бородатый без интереса посмотрел в беспокойное лицо Яши.— Впрочем, догадываюсь, о чем вы... Но этак и я могу упрекнуть, почему вы не муж всех идущих по улице женщин?

— Мне и с одной хорошо,— жестко ответил Яша.

— Мне тоже... достаточно одного эрдельтерьера,— с желчной вежливостью сказал бородатый.

Яша натужно умолк, не сказав, толком не выразив того, что думал. Он не хотел спорить, особенно с этим бородатым, натываясь, как на лыdney, на его холодный взгляд и на такой же холодный голос. Ему хотелось лишь приблизить интерес этого собаколюбца к конкретной судьбе рыженькой собачонки. Или он добр только для собственного эрдельтерьера, а та рыженькая для него безгранично чужая, просто ничейная, пустошная, просто уж и не собака, не живая тварь?

Сам Яша собак никогда не держал, хотя давно, в детстве, играл, водился в деревне с Жучками, Бобиками, Шариками. Они были шустрые, смешливые, ласковые, эти мелкоростые дворняги, умели за корочку хлеба «служить» на задних лапках, звонким лаем объявляли о появлении в деревне пришлого человека, стерегли стада и огороды, бесстрашно вылаивали полевых грызунов — так органично и деятельно вплетались в трудовую жизнь и быт людей, что без них, непривередливых и покладистых дворняг, жизнь была бы скучна да и немислима, как без птиц. Но совсем иной, странной, ущербной, вовсе не собачьей выдалась теперь Яше жизнь городских комнатных собак. В подъезде пятиэтажки, в которой он жил, тоже имелись собаководы. Рано утром, когда Яша трусой сбегал по лестничному маршу, спеша на работу, встречь ему попадалась тонкомордая гончая, которую в гордом молчании вел с прогулки худенький курносый подросток. Вечером, перед сумерками, он опять выводил во двор свою

высокую и длинную собаку и, держа ее на поводке, царски поглядывал на бесобачное мальчишеское общество двора. Однако он со своей желто-белой гончей зачастую оказывался в одиночестве, так как не мог показать мальчишкам, на что же конкретно она способна, и они утратили к ней интерес. Небольшой, засаженный молодыми тополями двор был мал, тесен для гончей, сделав два, три прыжка, она сразу же на что-нибудь наткалась и была похожа на огромную щуку, которую пустили в домашнюю ванну с водой. Бывали минуты, когда гончая, будто заведя что-то вдали, воинственно изгибалась для броска, для скоростной погони. Но это ей лишь грезило, мерещилось, наверное, и степная даль и азартный гон, на самом же деле никакая даль во дворе быть не могло и догонять там было некого. Словом, гончая годилась только на то, чтобы ее показывать. В руках курносого подростка она выглядела живой, красивой, но очень громоздкой игрушкой, играть с которой несподручно.

В квартире первого этажа тоже держали собаку. Каждое утро на прогулку выходила оттуда пожилая женщина, ведя на ремешком, украшенном серебряным узором поводке молодую овчарку. В дальнем углу двора, возле скученных гаражей, женщина отцепляла поводок, и овчарка, получив волю, радостно-возбужденно носилась вокруг своей милостивой хозяйки. Яша однажды увидел, как овчарка, взволнованная запахами утренней земли, вдруг начала сноровисто расчищать передними лапами замусоренную колдобину. Яша даже заинтересовался и подошел поближе к dame с собакой: видно, какого-то зверька унюхала под землей и так азартно раскапывала его нору. Но Яша разочарованно улынулся, когда увидел в зубах собаки старую, безногую куклу. Овчарка, по подбрасывая эту драную ватную куклу, то терзая ее когтями, грозно рычала, вставляла и была жалка в этом своем самообмане, в мнимой этой опасности. Искусственный, ложнотревожный лай и угрожающие прыжки ее были нелепы и смешны, потому что нельзя же такой огромной собаке с серьезным лаем бросаться на безропотную куклу...

Яша не нравился не сам разговор о собаках, а беспутность его: без пользы он, чешет языки, да и только. А что не поинтересоваться бы этим собаколюбам той рыженькой? Какой она породы и что это за правило, порядок, вид дрессировки ли какой — вот так на привизи собак морозить?

Яша как-то демонстративно встал и вышел на лестничную площадку покурить. Из приоткрытой форточки вместе с повистами ветра долетало слабое поскуливание рыженькой. И то ли от этого слитого плача собачки и выюги, то ли от разговора этого тягостного Яше стало зябко, по телу опять засновал озноб. Дымя сигаретой, он искал в кармане пиджака монету и по лестнице пошел вниз, на первый этаж, где был телефон-автомат. Он набрал номер и услышал голос Лизы:

— Ты?... С легким паром, что ль?

— Не ходил еще, очередь тут...

— Шел бы домой... Нина Климова сейчас звонила. Она уж своего Петю в ванне напарила, горчичниками облекла и в постельку уложила. А ты ходишь там... И знаешь, что она мне сказала? Она же технолог в ПТО, все дела там наверху знает. Говорит, Петя и Яша своим героизмом Паратов от выговора спасли. Профремонт второго блока в плане значился вторым кварталом, летом еще. Но Паратов все откладывал, перво-наперво план сдачи новых объектов гнал, да вот так до аварии и дотянули. Но «аварийку» вызывать не стали, чтобы шум на всю область не подымать, ничего не активировать. Вами, удальцами, прикрылись...

— Не знаю, как там у них... Но неужели, по-твоему, лучше бы без света всем сидеть сейчас?

— Ах, ладно об этом... Как чувствуете себя? — Осуждающий голос Лизы потеплел.

— Зябну что-то, — откровенно ляпнул Яша.

— Э-э, ты! — укорно-жалостливо выкрикнула Лиза и смолкла, в трубке запыкали гудки. Сегодня утром Лиза торопила его сборы, когда услышала об аварии. А вот теперь, узнав о пресловутой ее причине, вроде бы даже и укоряет его. И по-своему права: сколько аварийных происшествий случается по чьей-то оплошности, по недосмотру!... Поэтому все такие дела Лиза зачастую относит не к героизмам, а к неурезам, к бестолковщине в работе. — «Но мы с Петей тут ни при чем. Мы свое сумели... Вот она, лампочка, горит, сияет, всему городу светло...» — входя в предбанник, оправдывался перед Лизой Яша.

— Наша очередь подошла, — махнул ему парень-спортсмен.

— Бегу! — Яша суetyливо прошмыгнул в раздевалку, отталкивая мысли о работе, о жене, о рыженькой собачонке, стал сбрасывать с себя одежду. Перед входом в парильню подержал под горячей водой веник, и, когда он обмяк, зазеленел, как бы ожил, дохнул летним ароматом березы, Яша открыл дубовую дверь парильни. На дощатом полке-помосте, огороженном перилами, несколько мужчин нещадно хлестались вениками, мученически-радостно кривя потные лица. Яшу обдало каленым зноем, будто он шагнул в самое пекло полуденной пустыни, где, однако, несмотря на неистовую жаричу, дышалось легко и сладко: воздух был огненно-горячим, но не пережженным, убитым, а эфирным, живительным, с едва уловимым запахом эвкалипта. Он не обжигал липко, колочек, а неспешно внедрялся в тело, до самых костей прогрел его, и оно блаженствовало, словно невесомо плыло и растворялось в волнах ароматного зноя. И ничего уж не желалось, ни о чем не думалось, было лишь несказанное наслаждение, нежное томление плоти.

Постояв минут пять неподвижно, Яша взмахнул распущенным березовым веником и стал радостно-остереженно хлестать себя, открытым ртом хватая обжигающий воздух.

— Вот жареха! Ух-ух! — ликующе стонал кто-то за спиной.

— Ах-ох! — жестко истязал себя крепьш.

Яша одним из последних утеревшись из парильни и, поднырнув под струи теплого душа, вышел в предбанник отдохнуть. На диване, опоясавшись простынями, сидели раскрасневшиеся парильщики, пили чай, пиво. Яша откинулся на спинку дивана и почувствовал вдруг, что не может расслабиться, всецело отдаться отдыху. Что-то мешало этому, какая-то забота сидела в нем, не отпускала его. И он стал вспоминать, отыскивать ее. Взгляд его невольно заскользил по лицам раздевающихся и одевающихся людей и само собой почему-то задержался, остановился на бородатом. В парильне Яша не заметил его и теперь в упор смотрел на чуть порозовевшее матово-белое, холёное его тело. «Да, этот никогда и ничем не перетруждал себя и, конечно же, не пропустил ни одного обеда», — с непонятной для самого себя неприязнью подумал о бородатом Яша и тут же признался себе, что безо всякой причины придирается к человеку. И все же какой-то повод для этой неприязни был. «Ах, да ведь он собаколюб», — уличающе вспомнил Яша недавний разговор в предбаннике, но тут же подумал, что неприязнь рождена не пристрастием бородатого к собакам, а чем-то другим. Наверное, его ледяным взглядом, холодным каким-то изяществом, всепоглощающим вниманием к самому себе...

«Вон как упарился, розовый весь, млеет от удовольствия, даже вроде малость задремал от умиротворения и уюта... А вот мы тебя сейчас встряхнем чуточку, обеспокоим малость, потому как нельзя же так...»

— Товарищи! — встав с дивана, крикнул на весь предбанник Яша. — Это чья собака там у входа привязана?

По предбаннику прокатился невнятный гул голосов и стих: хозяина рыженькой среди находящихся в предбаннике не оказалось.

— Далась вам та собачонка, — вырванный из сладкой полудремы, заворчал бородатый. — Ее давно уж взяли, небось, а вы кричите тут...

«Может, и правда... взяли», — мысленно согласился Яша с бородатым, однако пошел вдоль диванов, цепко вглядываясь в лица. В раздевалке, в душевых кабинках, в парильне, в туалете — везде были люди, ходили, перемещались, собрали их в одно место и остановили вопросом «Чья собака?» было бы невозможно. Тогда он стал опрашивать наиболее подозрительных, похожих чем-то на собаколюбов мужчин, но те, даже не дослушав его вопроса, поспешно отнекивались, и Яша скоро понял, что люди не хотят отвлекаться от банного

блаженства, не желают озадачивать себя неуместными, чудаковатыми какими-то вопросами. Яша вернулся к своему дивану, но, прежде чем сесть, подошел к окну и высунулся в большую нижнюю форточку. Он глянул вниз и увидел собаку. Обвиваемая серебристыми струйками, рыженькая лежала на сумеречном негу и казалась недвижимой, неживой. Но вот из бани вышел человек, собачка подняла голову и слабо тявкнула. «Ага, он еще, значит, здесь, ее хозяин, где-то в бане, среди нас...» — с закипевшей досадой подумал Яша, смахивая с распаренного плеча холодные снежинки. Он вспомнил, что банщик держит для особо важных посетителей отдельный кабинет. В дальнем углу предбанника он нашел этот кабинет и решительно открыл его дверь.

За низким столиком, откинувшись на спинки кожаных кресел, сидело двое мужчин, завернутых по пояс в простыни. Перед ними на столике в окружении выветренных вобл и помитиков сыра красовалось несколько бутылок пива. «Начальство, люди сядящего труда». — Опять с какой-то беспричинной неприязнью Яша взглянул на тучных, распаренных пивососов и громко спросил:

— Это не ваша собака там привязана?

— Где, какая собака? — пожав женски округлыми плечами, весело-недоуменно сказал один из них. — Ты это, парень, не того... В бане собаку искать... Давай-ка вот тляни стакаш из здорovyнче наше-ваше.

Яша попытился и закрыл дверь. Он понял, что искать среди голых мужчин хозяина собаки, то есть человека, которого он никогда не видел, не знал даже имени его и возраста, — дело наверняка бесполезное. «А, к черту все!» — в досадной беспомощности ргнул себя Яша, нехотя сталкивая с души прилипшую эту, совсем ненужную ему, вдрут так занозисто вцепившуюся в него заботу о какой-то совершенно чужой, неведомой ему собачонке. Помогая стяхнуть эту заботу, в его ушах зазвенел, как бы донесся издали гневно-жалостливый голос Лизы: «Да отчего тебе втемняшилось связаться с этой собачкой? Ты же париться пошел, лечиться, а сам голый высываешься на морозный ветер. Э-эх...»

Яша взял веник и подошел к накапливающейся для второго захода веселой ораве парильщиков. В их кругу слышался покровительски-командирский голос крепьша:

— ...и тебе надо бы пуцо подобрать и тебе. Нет, братцы, я не в обиду скажу: не тот мужик нынче пошел. Видом крупный, справный, но больно уж сдобный, пышный. Раньше, в юные мои лета, зайдешь в парильню — мужички подбористые, дужильные, будто из красного дерева выструганы. Ничего лишнего... Теперь жизнь послаще. Раньше в дом отдыха люди ехали, чтобы жирок нахлебать. Хорошо отдохнул, значит, в весе прибавил. Теперь едут, чтобы поуходеть. О, здорово отдохнул, слышь — четыре кило сбросил! Вот почему парильня для живота русского, любящего поест и выпить, — первая выручалочка...

Мужчины улыбались и заглядывали в рот крепьшу с выражением какой-то двойной благодарности: хороший, сиюминутно нужный, удобный он для них человек — и отменный пар может готовить, и анекдотом повеселит, и ласково покритиковать... Яша тоже улыбался, поскольку очень уж к месту было перед заходом в парильню вот так беззаботно поготовать в кругу здоровых мужчин, сродненных будто шумным застольем, жгуче-сладкой процедурой в парильне, расслабиться, подобреть. Но улыбка его была пустой, для вида, для компании, сердце не веселилось и не принимало веселого, пряного этого разговора о желудочных и прочих утехах. Яше казалось, что если бы в бане сейчас вдруг похолодало иль поостыли, перестали бы шипеть голыши каменки, то люди бы, очнувшись от этих телесных удовольствий, сразу бы услышали и восприняли его громкие объявления о собаке. Но в бане было тепло, светло, водообильно, как и должно быть в бане. Люди мылись, парились, и среди них напрасно и нехотами было искать озабоченные лица. Да и о ком заботиться-то? О собачке? Но ее могли попросту и не заметить в такую непогоду там, у входа. А если кто и видел, то вряд ли удивился: вид хозяйки привязанной собаки то ли к крыльчаному перильцу парикмахерской, то ли у входных ворот дотсада так же привычен глазу горожанина, как пасущаяся возле хлебного киоска стайка смелых от голода сизарей или дремлющая на обочине в ожидании хозяина легковая автомашина. Но рыженькая ведь не просто сидела на привязи, а жаловалась, просила о помощи. Но люди шли мимо, никто не придал собачонке такого вот особого значения, как он, Яша. Наверное, каждый надеялся на другого или на хозяина, который должен же наконец был появиться и забрать собачку. Примерно так же думал и Яша, но все же остановился возле нее. Может, оттого, что в отличие от других прохожих он нынче сам намерзся сверх мочи, передог на высотной мачте? Или оттого, что... Впрочем, Яша ни себе и никому другому не смог бы внятно объяснить, почему он, глядя в ждущие, панически-отчаянные глаза трясушей собачонки, вдруг сам начал трястись от озноба и всем нутром и кожей, всеми своими чувствами ощутил, как ей гибельно холодно и плохо... Посочувствовал, да не помог.

— Пора, братцы! Выходите, — резво пригласил крепьш, и все повалили в парильню.

В этот второй заход Яша недолго задержался в ней. Все то, что всегда очаровывало его здесь, сейчас вдруг вызвало странное равнодушие: и тесовые, прочерневшие от времени, жары и копти, с вытопленными кое-где янтарными струйками смолы стены, и раскленные до страшной сиренево-фиолетовой красноты овалы голыши каменки, и живительный аромат знойного, точно прожаренного воздуха, и шуршаще-шумные удары веника, и вожделенные стоны и криканы парильщиков... От всего этого сейчас веяло на него самодовольной праздностью, каким-то всеохватным равнодушием, и чем неистовее наслаждались парильщики, тем удрученнее становился Яша. Он слегка похлестал себя веником, не отдаваясь привычному тем минутам азарту, и вдруг почувствовал, как по спине пробежал озноб. Он слышал и знал по опыту, что такой странной, противный озноб случается, когда перепаришься или, загорая, перекалишься на солнце. Или когда нездоровится. «Заболел я все же, наверное, — выходя из парильни, подумал Яша. — Да и настроение... Тот верно ж сказал, что склоным да нервным в парильню лучше не ходи, проку не будет. Хотя какие склоны? Нагнал на себя блажь... с этой собачонкой. Людей вию. А в чем?»

Следом за ним вышли вскоре и остальные парильщики, красно истлестанные, ликующие. Глядя на них, Яша вдруг поймал в себе гнусное желание чем-то испортить им это ликование. Но тут же оттолкнул злую, чужеродную, случайную эту мысль и, наскоро вытеревшись полотенцем, стал одеваться.

— Что рано? — полюбопытствовал крепьш, отхлебывая из термоса чай.

— Озяб я, — сказал Яша.

— Озяб? — не понял крепьш. — Чудак-человек. Да ты ближе ко мне держись, и мы такое... Я тебе такой парок заделаю, кожа на ушах полопаеат!

— Да уж... в другой раз.

Яша спустился на первый этаж и, прежде чем забрать в гардероб одежду, посидел, обсыхая, на скамеечке. За окнами в снежных сумерках уже желтели на столбах электрофоны. Молодая гардеробщица одиноко расхаживала вдоль наполненную опустевших вешалок. Одетая в поношенную цигейковую шубу, она выглядела поопятнее, не такой уж толстой, как прежде в халате. Она уныло поглядывала сквозь заиндевелые стекла окон на завьюженный дворик бани и зябко пожевывалась. Яше почему-то было приятно смотреть на нее такую, нахохлившуюся: в языке ее одиночество и тоскливом восприятии уличной стужи, ненастья проглядывала тайная неустроенность ее души. И в таком своем состоянии она показалась ему доступнее, сговорчивее на отзывчивость, на чуткость к чужой беде. Яша не ошибся в этом предчувствии: признав его, девушка сразу же заговорила о том, о чем почти ни на минуту не переставал размышлять он сам.

— Баню через час закроют. А собачку нашу никто не пригласил с собой, — вздохнув, сказала толстуха и еще больше понравилась Яше этим мягким горестным вздохом, с каким произнесла слово «нашу» и девичьи-печальную фразу вечеринки и танцплощадок — «никто не пригласил».

— Да, — отчего-то виновато подтвердил Яша и смолк.

— Что да?.. Вот уйдем, потушат свет, и будет она всю ночь скуливать под забором в темноте.
Яша не знал, что сказать толстушке, чья забота о собаке вдруг выросла, почти сравнялась с его заботой. Он попросил одежду и, суетливо повязывая шарф, сбивчиво забормотал что-то обещающее:
— Я погляжу сейчас, хорошо?
— Что хорошо? — прервала его толстушка и, помолчав, добавила с глубоким вздохом: — Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего.
И опять отзвук какой-то личной печали послышался в этих ее словах, сказанных применительно к бесхозной собачке.

Яша застенул пугливцы пальто, навалился на лоб шапку и топтался перед выходной дверью. Он медлил выходить, не зная, как, с каким видом ему пройти мимо собачки, которая, он это чувствовал, ждет его, не забыла. Взявшись за дверную скобу, он выжидательным взглядом посмотрел в грустное лицо девушки, желая услышать от нее еще что-то, какую-нибудь подсказку, но та ничего уж не сказала, а только хмыкнула вдруг, улыбаясь вильнувшими глазами: что-де устали, давай топай... Толкнув дверь, Яша вышел из бани.
Выюга заметно поутихла, зато воздух стал морознее, гуще. Яша поднял каракулевый воротник пальто, повернулся к ветру спиной и, шаря глазами по белому квадрату дворника, сошел вниз по бетонным ступенькам крыльца. Рыженькой нигде не было. — Значит, нашелся хозяин. Поглядеть бы на него!.. — облегченно-насмешливо подумал он и приостановился, прощально оглядывая то место, где совсем недавно, полчаса назад страдала рыженькая. И вдруг увидел ее.

Припорошенная снегом, собачка была едва различима при тусклом свете единственной, озябшей желтеющей на столбе лампочки. Она лежала на снегу, свернувшись колючком, уткнув голову в живот, и, содрогаясь всем телом, грела себя собственным дыханием. Она, небось, уже не надеялась на милость прохожих, не скулила, не тявкала, даже не поднимала голову на стук банной двери, сберегая для жизни последние силы. Яша присел возле нее на корточках, кашлянул, но рыженькая не отозвалась. Тогда он, сняв перчатку, провел ладонью по ее худенькой, вздрагивающей спине, заодно счищая с нее сыроватый снег. Рыженькая приподняла узкую, точеную голову, недоверчиво блеснула ее черные глаза. Яша посмелее погладил ее, и она приглушенно взвизгнула, робко лизнула руку, слабо вильнула хвостом. Она узнавала Яшу, а когда учуяла, узнала, вмиг вскопчила, отряхнулась от снега и, дрожая и трепеща от радости, от холода, от плачущего какого-то восторга, засноула между его ног, взвизывая, тявкая и скуля. Она будто спешила рассказать о чудовищной своей беде, просила понять ее, выручить, спасти...

Яша отвязал от крыленной скобы поводок, расстегнул свое тяжелое, на вате, пальто и, подцепив рыженькую под живот, сунул ее за пазуху. Оказавшись в тепле, рыженькая раза два снизу достала языком Яшину подбородок, вслипла, как ребенок, и затихла. Яша крепче запахнул пальто, оставив собаку морду, взял сумку и через заснеженный дворик зашагал к выходным воротам. Рыженькая теплым языком лизнула его в щеку. — Ты кончай эти нежности! — отрадно подумал Яша. — Вот переночуешь у нас, а там видно будет, куда тебя... Может, Васильку согдишься, задружишь...»

За воротами он, хоронясь от ветра, свернул в проулок и вдоль темного тесового забора поспешил к ближайшей остановке троллейбуса.

— Эй, погоди-ка! — послышался откуда-то тяжелый, хриплый бас, но Яша не остановился.
— Гражданин! Собачку-то зачем сперли? — опять забасил некто сзади, и Яша теперь сообразил, что это ему кричат. Он оглянулся и в двух шагах увидел здорового, на голову выше ростом мужчину, истинно верзилу. В распахнутом черном полушубке, в черных валенках и мохнатой шапке тот был похож на выскокшего из кустов медведя.

— Замерзала она, — ответил Яша, вглядываясь в незнакомца: свет окон ближайшего дома едва доставал сюда.

— Для тебя — замерзала, а для меня — хозяйина своего дожидалась, — с одышкой, ругательным тоном забасил верзила.

— А зачем вы бросили ее на морозе? — тоже повысил голос Яша, пытаясь разглядеть лицо незнакомца, но не мог, вместо лица перед ним угрожающе маячило лишь темное пятно.

— Не бросил, а привязал. Разница! После парной дружок тут зазвал, вон дом напротив бани светится... Думал, по паре рюмашек смажем, на полчасика, думал. А хозяйка пельмешки затеяла. Ну вот и... дотемна — помягче заговорил верзила, но тут же, словно спохватившись, опять закричал скандално: — Да что я отчитываюсь-то, цацкаюсь? Давай собаку!.. Руфа, а ну сюда, ко мне!

Верзила обеими руками потянулся к Яше, рыженькая за пазухой зашевелилась, взвизнула тоскливо.

— Чем вы докажете, что собака ваша? — отступил на шаг, спросил Яша.
— Я тебе докажу сейчас... по соплям! — Верзила навис над Яшей, замахнулся, но не ударил. Шагах в сорока от забора, за шеренгой деревьев проплывали фигуры прохожих.

— За левым ухом бороздка у нее... Овчарка ненароком кромсанула. Ранка была, — пробурчал верзила, но поспитал эти объяснения ненужными и для себя унизительными, опять затряс кулаками: — Дай собаку! Иль... гони четвертак. Кули, а не вору!

— Таких денег с собой у меня нет, — ощупывая головку рыженькой, сказал Яша. Он не верил верзиле. Но вот пальцы наткнулись на крохотный рубчик за левым ухом собаки, и в груди Яши что-то упало, оборвалось...

— Нет? Ну, вот как занимаешь, приходи, — с угрозой посоветовал верзила и крикнул строго: — Руфа, ко мне!

Собачка, однако, не шевельнулась. Верзила тихо выматерился, шагнул к Яше и, обдав его водочным духом, грубо сунул руку ему за пазуху, вырвал собаку. Рыженькая взвизгнула от боли и полетела кубарем под куст. Яша отступил в сторонку, не зная, как быть.

— Ко мне! Руфа, сюда! — орал на собачку верзила и, нагнувшись, искал в снегу ременный поводок.

Руфа жалостливо поскуливала и не шла к хозяину.
— Ко мне! — хлопнув себя по колену, нетерпиче прохрипел верзила, и собачка, отчаянно тявкнув, с какой-то рабской пугливой покорностью, нехотя, как-то ползком двинулась к нему. Но стоило верзиле поднять руку, чтобы взять ее за ошейник, как она с визгом метнулась в сторону и подбежала к Яше. Он присел и погладил ее трясущуюся спину.

— А, тварь! Проституничать, хозяйина менять?! — крикнул верзила и с разбегу хотел схватить ее, но промахнулся, однако ж догнал ее ударом ноги. От этого жесткого пинка собачка с истошным визгом взлетела в воздух и шаркнулась о забор.

— Не смейте бить собаку! — закричал Яша.
— Моя она. Хочу — не быю, хочу — убью, — огрызнулся верзила, отыскивая в снегу конец змеящегося поводка.

Яша стоял и удивлялся, отчего после таких побоев собачка не убегает, а, тоскливо поскуливая у забора, дожидается, когда хозяин возьмет ее за поводок. Яша зовуще почмокал губами, но рыженькая замерла на месте, не доверяясь уже никому. Спасение свое она вдруг кинулась искать подальше от людей. В тот момент, когда верзила ухватил поводок, собачка юркнула в щель забора. Однако верзила рванул ее к себе, и она вместе с трухлявыми обломками доски подлетела к нему под ноги. Он перехватил покороче поводок и вздернул на нем собаку. Рыженькая, с перетянутым горлом, молча задргала передними и задними лапками.

— Ты что ж, гад... — Яша кинулся к верзиле, но тот локтем отбросил его.

— Удавлю-ю! — не то на Яшу, не то на собаку зарычал он. Яша прыгнул ему на спину, обхватил сзади. Верзила опустил на снег собаку и, присев, страшным рыком швырнул Яшу через голову в сугроб.

— Ишь защитничек нашелся, гер-рой! — прошипел он, надевая слетевшую с кудлатой головы шапку.

Руфа подбежала к барахтающемуся в снегу Яше, но в тот же миг хозяин схватил ее за ошейник. Яша уцепился верзиле за ногу и обеими руками рванул к себе. Верзила тяжело и туло брякнулся на твердый, выюгой уплотненный снежный наст, застонал и смачно выругался. «Связать бы его собачьим поводком да в милицию», — выбираясь из сугроба, подумал Яша, и в голове у него пронеслись кадры из кинофильмов, где герои именно таким образом и заканчивают схватки с преступниками. Но душа Яши была иного склада. Прихрамывая, он подошел к сидящему верзиле и сказал:

— Если вам не нужна собака, то нечего ее мучить. Дайте адрес, и я принесу вам завтра деньги...

Он не договорил: хищно изогнувшись, верзила ударил ему ногой в живот. Яша онемел, скорчился, по-рыбий глотая воздух открытым ртом. Верзила не спеша поднялся, шагнул к нему, согнувшись, беспомощно, и спокойно ударил кулаком в лицо.

— Вот тебе адресок, — едко сказал он, подцепил собаку, сунул ее под мышку и, не оглядываясь, зашагал вдоль забора. Опрокинутый тяжелым ударом, Яша упал навзничь и, скосив глаза, беспоместно смотрел вслед удаляющемуся верзиле.

Сознание быстро вернулось к нему, острой болью прожгла мысль: «Уйдет!» Слепывая густую кровь, Яша встал и, шатаясь, бросился вдогонку туманящейся вдали фигуре. Обида, гнев, спящая какая-то ненависть жгли ему грудь. Фигура верзилы росла, приближалась, но вдруг слислась с темным, неосвещенным торцом пятиэтажки, исчезла из виду. Яша добежал до угла дома и остановился, тяжело дыша и прислушиваясь. Тут мигнула светом и мягко скрипнула дверь крайнего подъезда соседней пятиэтажки, что стояла шагах в сорока напротив, и Яша кинулся туда. Несколькими прыжками пересек завьюженный двор, открыл двери подъезда и по лестничному маршу побежал вверх. Он не успел догнать верзилу, но отчетливо увидел, как на третьем этаже тот закрыл за собой дверь под номером 28. С разбега Яша хотел было забарабанить кулаками в эту ненавистную, захлопнувшуюся почти перед его носом дверь, но как-то сдержал себя, рассудив: верзила теперь никуда не денется, и надо лишь подумать, как наказать его. В подъезде было тихо, и эта тишина не вязалась с той шумно хлопочущей яростью, которую Яша слышал в себе: голова гудела, сердце рвалось из груди, кулаки сжимались до боли... Надо было действовать, а он стоял и чувствовал, как успокаивается дыхание и вместе с ним неутраченная жажда возмездия.

Яша попытался от двери и побежал вниз. Хотелось ему если не руками, то хотя бы взглядом достать верзилу. Выскочив из подъезда, он встал перед домом и быстро отыскал окна двадцать восьмой квартиры. Оранжевый свет выхватывал из темноты решетку балкона и качающиеся верхушки голых деревьев. Вот в кухню вошел он, верзила. Сквозь запыленное стекло окна виднелись расплывчато красное лицо и кудлатый чуб. Верзила туда-сюда проплыл перед окном и опустился — вниз, оставив Яше для обозрения покатую спину и вихрастый затылок.

— Ага, ужинать сел... Кушать захотел, гад. Сейчас ты у меня поужинаешь, наешься! — облизнул кровавые, вспухшие губы Яша. Верзила посиживал в теплой кухне, ужинал, а он, Яша, напаренный в бане, стоял перед окнами его квартиры и гнул от порывов выюги, наверняка простуживаясь. У верзилы же теплый свет в окне, тот самый свет, что нынче утром, обмораживаясь и страдая, наладил, послал городу он, Яша, со своим помощником Петей Климовым.

— Рогатку бы сейчас... — вдруг осенила его дерзкая, но такая сладкая своей мальчишеской лихостыней мысль, что он даже ощупал карманы, затем присел и стал искать в снегу какое-либо орудие. Под рукой ничего, кроме снега, не оказалось, и Яша пошел вдоль дома к чернеющему забору. Он шагнул и вертел головой, стараясь немедля найти что-либо: камень, палку... Где-то в груди засадило что-то неловкое, стыдливое, позволяло остановиться, махнуть на все... Но гнева в Яше хлопотало столько, сколько его могло скопиться лишь в большом сердце негневливого от природы человека.

Ничего подходящего в руки ему так и не попалось, и эта досадная задержка разжигала особо алчное нетерпение скорейшей расплаты с верзилкой. Возле торчащей из снега черным вопросительным знаком водоклонки он наткнулся на кучу колотого льда, схватил два увесистых куска. Возвращаясь к пятиэтажке, он утолненно уже воображал, как звезданет сейчас по стеклам, как через пробоину ворвется в квартиру ветер, как испуганно кинется верзила затыкать тряпьем окно. — Пусть попробует морозца, узнает, как мне тут сейчас шибко жарко... до жидких соплей, как собачка коченела... — стуча зубами, думал Яша. Он отыскал балкон и оранжево светящееся окно и стал примериваться для броска: не промахнуться, не угодить бы в соседнее, невиновное окно. И опять ворохнулось в нем что-то щемяще-трепещущее, миротворное, кто-то словно подул прохладой на едко жгущую ссадину его недрачной души. Но правая рука была уже занесена для броска...

Тут что-то непонятно вдруг перевернулось в облике третьего этажа. Вдоль балкона, прикрывая среднее окно, покачивались на ветру две пары желтых ползунков. От них исходил, курил пар. Они, как догадался Яша, были только что вывешены — в те минуты, пока он подыскивал подходящий булыжник.

«Надо же... ползунки, — растерялся Яша и нехотя опустил карающую руку. — Малыш, значит, проживает тут... Либо внучок этого...»

Он еще раз строго посмотрел вверх, на мокрые, еще не схваченные морозом, болтающиеся на веревке ползунки и вяло разжал ладони. Ледяные кругляши скользнули в снег. Яша поднял сумку с банным скарбом и неприкаянно прошелся туда-сюда по двору, так легко, безболезненно и внезапно вдруг обезоруженный. Однако ему не хотелось уходить с тяжелым осадком неотомщенной обиды, но и коченеть на морозе теперь тоже было ни к чему. С тягостным ощущением досады, неловкости конфуза он представил, какими слезными упреками встретит его, до крови избитого, Лиза, как кинется с расспросами и, разузнав все, затрясет над ним своими маленькими, красивыми, воинственно-беспомощными кулачками, как выдавит со стоном и горестным восторгом: «Э-эх, ты... гер-рой!» — как удалится потом от него, «бесчувственного издателя», куда-нибудь... в спальню и, закрывшись, беззвучно проплачет там целую вечность. И Яше, как всегда, станет жалко ее и себя... Обидно и нехорошо ему слышать от Лизы это слово, исковерканное дрожащим «р» в середине. От дребезжания этого оно перестает быть добрым, большим, похвальным... И уж вдвойне обидно ему стало, когда этим же передернутым словом укорно стегнул его верзила.

Но на реплику верзилы можно и наплевать, размышлял Яша, все явственнее прозревая, находя для себя, для несутражных, наверное, опрочивших своих поступков робкое оправдание, — именно в стычке с верзилкой, в скандальной этой описке с его собачкой.

Пусть побежден, побит до крови, не отомщен, а в груди с каждой минутой отчего-то все легче, просторнее, будто хорошая песня там позванивает, затевается... «Отчего это?» — как бы вслушиваясь в себя, дивился Яша. Подобного удовлетворения, без примеси, чистого и глубокого, он не испытывал даже там, на грозской мачте-опоре, когда с Петей Климовым, кончив дело, спустился на землю и сразу попал в объятия начальства, товарищей из бригады, в цепкие руки корреспондента... А тут, у немого, старого забора, в темноте ничего подобного, никаких почестей. Все наоборот: туиковый закулок, ни единого свидетеля, чужунные кулаки верзилы...

«А ничего... Главное, не увильнули же... И здоровы-живы ведь мы», — тихо, совсем уже без досады думал Яша, вспоминая рыженькую и объединяясь, родясь с нею чему-то важнейшим, какой-то одинаковой, вместе переживот болью и невинным позором.

Он подцепил пригоршню снега, протер им лицо, кумекая, что такое бы сказать, сблпнуть бы Лизе насчет своих в кровь разбитых губ.

60 лет СССР
 Всесоюзная экспедиция:
 Эстафета дружбы и подвига»

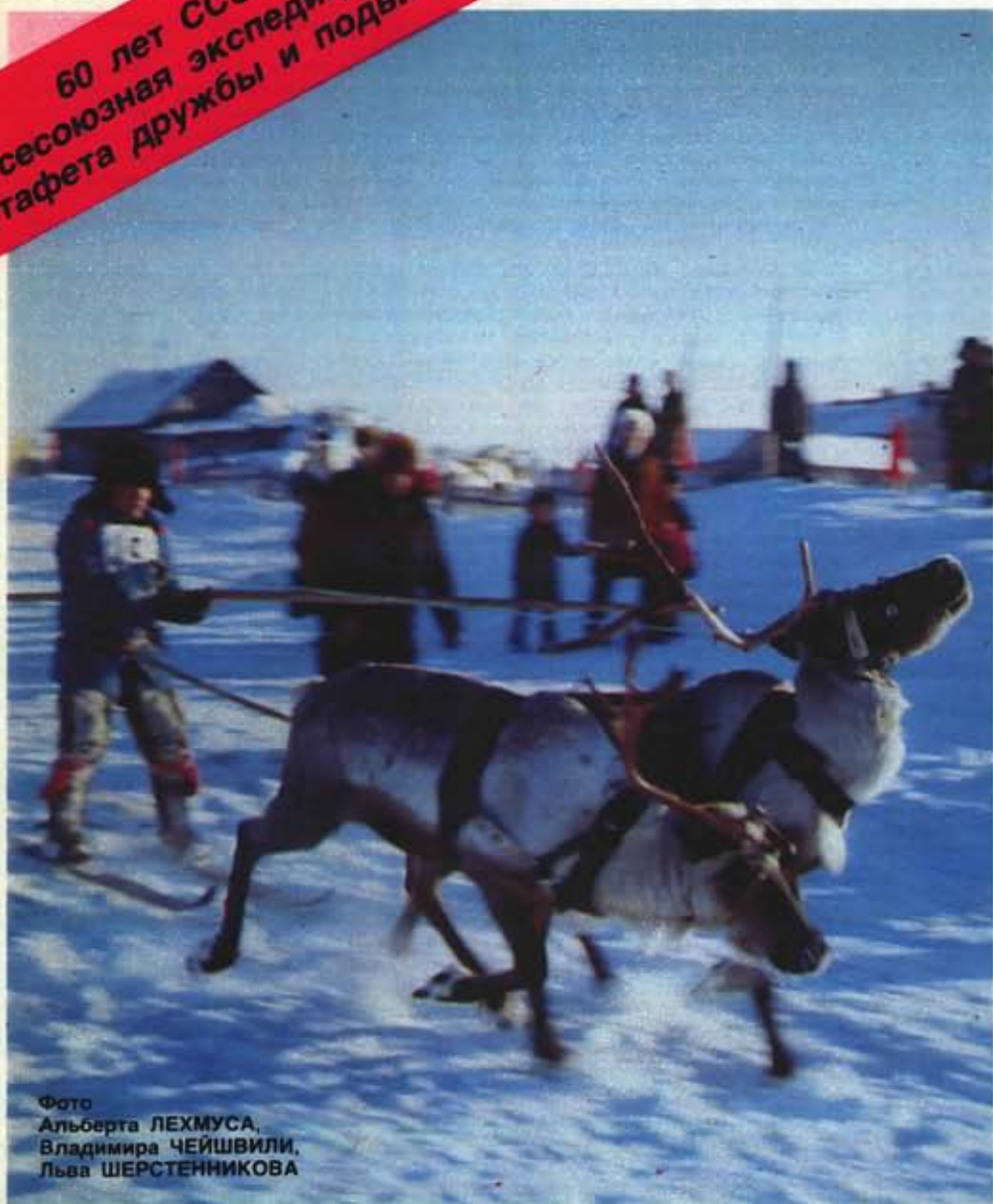

Фото
 Альберта ЛЕХМУСА,
 Владимира ЧЕЙШВИЛИ,
 Льва ШЕРСТЕННИКОВА

«КАРАНДАШ И КНИГ

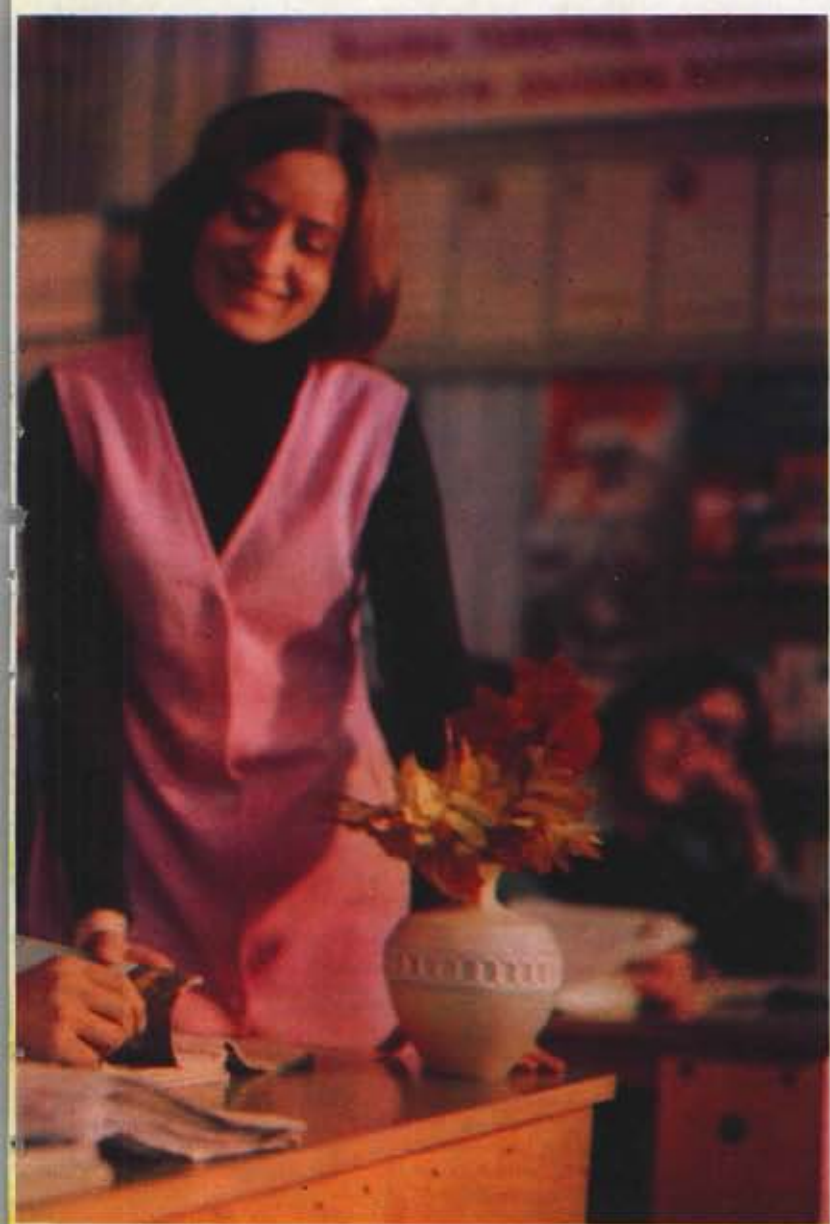
Владимир САНГИ,
 секретарь правления Союза писателей РСФСР

В домашнем кабинете Владимира Михайловича просто и уютно. По стенам — книги, за спиной писателя две географические карты — Сахалина и Подмосковья, рядом портрет Сергея Есенина. Мягкий свет, одинаково располагающий и к беседе и к работе, выхватывает лежащие на краю стола яркие книжки, несколько необычные под рукой у взрослого человека. На обложках надпись — «Букварь». Глядя на них, я и задал первый вопрос:

— Владимир Михайлович, три с лишним года назад на страницах «Смены» вы рассказали о почетном поручении, которое получила ваша племянница, выпускница факультета народов Севера Ленинградского педагогического института Люба Гашилова. Ей предложили принять участие в подготовке программы для учебников нивхского языка. Из того же журналь-

ОКтябрьский набат семнадцатого года, докатившись до этих мест, изменил все. За короткий исторический срок народности Севера с помощью русского и других братских народов Советского

У ДАМ НАМ ЛЕНИН

СОЮЗА ЛИКВИДИРОВАЛИ ВЕКОВУЮ ОТСТАЛОСТЬ. СОВЕРШИЛИ ПЕРЕХОД ОТ ПАТРИАРХАЛЬНО-РОДОВОГО СТРОЯ К РАЗВИТОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ. МЕЧТЫ СТАЛИ ЯВЬЮ.

ного выступления наши читатели поняли, что и вы не собирались остаться в стороне от этого дела. Судя по тому, что я вижу, работа уже закончена?

— Да, нынешний учебный год нивхские первоклашки начали с букварем, написанным на их родном языке.

Владимир Михайлович любовно открывает красочный переплет. Сразу же бросается в глаза, что напечатанный на форзаце алфавит значительно «длиннее» русского.

— Дело в том, — поясняет мой собеседник, — что в нивхском языке больше сорока звуков, а в русском алфавите тридцать три знака. Поэтому раньше для обозначения того или иного звука, которого нет в русском языке, приходилось пользоваться двумя, а то и тремя буквами. Конечно, это было очень неудобно и трудно для усвоения. Я помню, как сам маялся, изучая родную грамоту по старому громоздкому алфавиту. Может быть, тогда и запало мне в душу желание усовершенствовать нашу азбуку, создать новый нивхский алфавит. Но прошли многие годы прежде, чем я счел себя готовым к этой работе. На первый взгляд кажется, что придумать новые знаки для обозначения «лишних» звуков — дело несложное. Однако это совсем не так. Ведь даже ученые-лингвисты расходились во мнениях, сколько же всего звуков в моем родном языке. Вот видите эту букву «у» с «птичкой» наверху? Языковеды считали, что такой фонемы нет у нивхов. Пришлось приводить множество примеров, доказывать, писать специальную статью. Я назвал этот звук неслоговым «у». Жаль, что

у журнала нет звуковых страниц и я не могу показать читателям, как он произносится. Могу лишь в чем-то сравнить его с кратким «у» в белорусском языке.

На всю эту работу по составлению нового алфавита нивхов ушло почти пять лет. Но когда алфавит был утвержден, начался новый, не менее трудный этап в работе — обучить население родной грамоте. К этому делу были привлечены многие нивхские специалисты. Вот тогда-то, помнится, я и писал в «Смене» про почетное поручение моей племяннице. Кстати сказать, если в том 1978 году Люба кончала институт, то сейчас она готовится защищать диссертацию.

Отвечая же на ваш вопрос, закончена ли работа, могу сказать совершенно определенно — нет. Пока что я в соавторстве с нивхским ученым, кандидатом филологических наук Галиной Александровной Отаиной подготовил лишь программу начального обучения и букварь. Впереди работа над программами и учебными книгами для старших классов, перевод на нивхский язык классиков русской и мировой литературы — словом, забот еще много. Не скрою, горжусь, что именно в этой книге — Владимир Михайлович приподнимает «Букварь» — впервые напечатаны на нивхском языке нивхские стихи.

Владимир Михайлович быстро находит нужную страницу, но, откинувшись в кресле, читает, совсем не глядя в нее. Читает, как все поэты, чуть нараспев, подчеркивая качанием головы стихотворный ритм. Потом переводит стихотворение на русский. Оно про дорожку, которую ведут люди между болотами, между горами, ведут из Сибири к Амуру — родной реке его предков. Кончается стихотворение строками о том, что все дети знают эту дорожку, которая называется БАМ.

— Простите, Владимир Михайлович, но коль скоро мы коснулись «бамовской темы», я хотел бы заметить, что про эту стройку действительно сейчас все малые дети знают. А вот сами строители БАМа порой не очень хорошо осведомлены об истории тех мест, в которых работают. Помню, как искренне были удивлены ребята с восточного участка, когда узнали, что всего за десять лет до их прихода сюда в паре километров от трассы будущей магистрали, рядом с живописным озером Эворон, была сделана находка, взбудоражившая сразу два мира: мир науки и мир искусства. Речь, как вы поняли, шла об археологических раскопках в районе древнего нанайского стойбища Коңдон. Там экспедиция академика А. П. Окладникова обнаружила статуэтку, которую специалисты отнесли к последней эпохе каменного века. А это значит, что люди в этих местах жили 5—6 тысяч лет тому назад. Голова кругом идет, когда пытаешься представить такую древность! Академик Окладников писал потом в своих воспоминаниях, что эта статуэтка сразу же получила имя амурской Нефертити.

Почему Нефертити? Что общего между скульпстой, раскопанной и, видимо, уже навеки безвестной девушкой, чей облик запечатлен столь же неизвестной скульптурой с Нижнего Амура, и знаменитой египетской царицей, изваянной всемирно известным Тутмесом?

Возьмите фотографии обеих скульптур. И непосвященному видно различие манеры работы мастеров: в одном случае — тщательная проработка каждой черточки лица, драгоценных украшений, в другом — более схематичная, даже несколько утрированная лепка, отсутствие каких бы то ни было украшений вообще. Различны и материалы, с которыми работали древние скульпторы: египетская Нефертити сделана из раскрашенного известняка, амурская — из обычной глины.

Но все это замечаешь потом, при детальном рассмотрении. Первое, что бросается в глаза, — одинаково гордая осанка, такой же грациозный наклон головы и изящная шея вперед, к зрителю, удивительная пластичность и одухотворенность... Многие века разделяют нашу жизнь и время, когда жила Нефертити. Девушка, чье скульптурное изображение найдено в нанайском Коңдоне, «старше» еще на несколько тысяч лет. Но и сегодня обе скульптуры поражают увиденным художниками идеалом женской обаятельности и вечно молодой красоты.

— Согласен с вами, что молодежь, приезжающая на великие стройки Севера, подчас имеет весьма смутное представление о культуре и истории коренных народов, представляющих эту землю. В этом есть и наша доля вины — писателей народов Севера. Но еще большая вина ложится на ту жизнь, которой вынуждены были жить наши предки.

В моем народе есть предание о том, что у нивхов в древности была своя письменность. А потеряли ее потому, что человек, который хранил бумагу с родным письмом, не уберечь ее — попала бумага под дождь. После он пытался ее просушить на солнце, но поднявшийся ветер подхватил и унес листы с нивхской грамотой.

Подобные легенды существуют у многих народностей Севера. Расскажу лишь еще одну из них, ненецкую.

Было время — все двенадцать лун одевалась тундра в зеленую, обшитую яркими цветами малицу (малица — верхняя одежда из оленьих шкур мехом внутри, гусь — то же самое, но мехом наружу). Тепло было в тундре, и не снег, а белые чайки-халеи кружились над ней. А дарил людям тепло добрый великан Тусавэй, владеющий голубым огнем. Хорошо жили ненцы — все двенадцать лун не замерзали речки, богатые рыбой. Жирели на сочных травах олени. Но не нравилось это злой птице Минлей, которая приносила на своих крыльях ночь. Стала бороться с добрым великаном злая птица. На восьмой день не выдержал Тусавэй, спрятался под землю. А лютый Нгэрм Хоро — холодный северный ветер — погасил голубой огонь, замел тундру снегом. С тех пор холодно стало в тундре и на полгода прикрывает ее мрачная ночь.

Я бы назвал эти народные сказания эстафетой надежды, которую передавали люди из поколения в поколение. Они как наказ потомкам: не опускайте руки — ищите пропавшую грамоту, освобождайте доброго Тусавэя. Сегодня-то мы можем сказать, что эти наказания выполнены: и письменность своя у нивхов есть, и голубой огонь — газ, добываемый в Ямало-Ненецком автономном округе, на весь мир известен. Стальные нити трубопроводов тянутся от Уренгоя к западным границам нашей страны, в европейские государства.

Но долгие годы казалось, что Север никогда не скинет оцепенения. Европейская и другие цивилизации вплоть до недавнего времени обрывали свои тропы на далеких подступах к нему. Скованные льдами Арктики народы Севера словно бы замкнулись, и думалось, их ресурсов едва хватает, чтобы только-только выжить.

Поэт манси Юван Шесталов в одном из своих очерков приводит такой факт.

В конце прошлого века профессор Казанского и Петербургского университетов Якоби и Поляков пришли к выводу, что жизнь на Обском Севере угасает, и написали письмо царю Александру III. Население на Севере, писали ученые, вымирает. Суров климат. Детям манси и ханты необходимо учиться. Хотя бы в объеме первых двух классов. Тогда их, мол, не смогут обманывать купцы и чиновники. Александр III, прочитав письмо, размахисто написал на нем: «Ну и пусть!»

Таким было отношение царского правительства к судьбам народов Севера, которые жили тогда в условиях первобытного отсталости. О положении таких народов говорил в 1921 году В. И. Ленин: «...Необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость».

А между тем народы, вынужденные прозябать в дикости, отброшенные в историческом развитии на десятки, а то и на сотни лет назад, поражают исследователей их жизни оригинальностью и смелостью мысли, творческим потенциалом. Так, например, специалисты до сих пор удивляются, что эскимосы, не знавшие европейской техники, самостоятельно изобрели винт. Они же придумали прототип современных противосолнечных очков — сделанные из плавника или кости крышки на глаза, в которых прорезаны узкие щели. Архитекторы и сейчас с вниманием изучают особенности постройки северных жилищ. Веками шло в среде северных народов и накопление духовных ценностей. Но, казалось, эти ценности, рожденные устным творчеством, никогда не переплывят в новое качество — в письменную литературу. Опыт Гренландии и Северной Америки — тому свидетельство. У коренного населения этих стран — эскимосов — стараниями католических миссионеров письменность появилась девести лет назад. Но ни в Гренландии, ни в Северной Америке письменность так и не стала предвестником литератур у коренных народов.

Буквально в первые дни Советской власти пастухом-чукчей Теневилем, жителем верховьев реки Анадырь, были изобретены иероглифы. Оленеводу они потребовались для ведения хозяйства. Но через

десять лет первый чукотский поэт Тынетегин с помощью нового письма — чукотского алфавита — выведет на бумаге слова:

*Раньше были на болоте пнями,
И подняться было не по силам.
А теперь равняемся с горами,
И за это Ленину спасибо!
Карандаш и книгу дал нам
Ленин,
Он свои заветы нам оставил,
Вот когда мы стали жить*

*светлее,
Словно горы, к небу
вырастая!*

В этом стихотворении с удивительной полнотой показано, что было единственно необходимым, чтобы народы Севера включили свою энергию в общесоциальный творческий процесс. Не приход сам по себе к северным народам грамоты и письменности становится причиной зарождения у них литературы. Важно, кто их принес. «Карандаш и книгу дал нам Ленин...»

— Владимир Михайлович, мы часто говорим: народы Севера. Давайте напомним нашим читателям, какие именно народности имеются в виду и где они живут.

— По данным последней Всесоюзной переписи населения, на Севере проживает 26 малых народностей, насчитывающих 158 тысяч человек. Я назову их. Это ненцы, ханты, манси, эвенки, коряки, чулки, эвены, долганы, ительмены, кеты, алеуты, нанайцы, нганасаны, негидальцы, нивхи, ороки, орочи, саами, селькупы, тофалары, удэгейцы, ульчи, чуванцы, энцы, эскимосы и юкагиры.

Вся зона Севера охватывает площадь около 11 миллионов квадратных километров, то есть почти половину территории всей нашей страны и 64 процента территории РСФСР. Это в основном огромные пространства тайги и тундры. Районы Крайнего Севера и приравненные к ним отдаленные районы включают полностью или частично 16 областей, краев и автономных республик — Амурскую, Архангельскую, Иркутскую, Камчатскую, Магаданскую, Мурманскую, Сахалинскую, Томскую, Тюменскую, Читинскую области, Красноярский, Приморский, Хабаровский края, Бурятскую АССР, Коми АССР и Якутскую АССР.

На всей этой территории буквально бурлит новая жизнь. Сейчас Север приобрел значение экономической зоны, где сосредоточены основные запасы многих минерально-сырьевых и топливных ресурсов страны. Достаточно напомнить, что эти районы дают половину всей добычи нефти России, а газа еще больше — шестьдесят процентов. Север дает и пятую часть заготовляемой в РСФСР древесины. Ну и, конечно, такие традиционные для Севера промыслы, как оленеводство, рыболовство, охота, — тоже вклад в народное хозяйство страны.

— Индустриальное освоение Севера, естественно, многое меняет и в образе жизни коренных обитателей этих мест, в их традиционных занятиях. Прокладываются трубопроводы — и меняются привычные пути миграции оленей, строятся металлургический комбинат — и зверь уходит из этих мест, начинается промышленное использование воды — и уменьшается количество рыбы... Происходит и необходимое перемещение старых поселений.

В одном из рассказов юкагирского писателя Семена Курилова герой проплывает по реке мимо не существующего уже острова, где он родился и жил. Ему задают вопрос:

— А где же родные теперь?
— В райцентр переехали. Живут в каменном доме.
— И как? Привыкли?
— К хорошему разве трудно привыкнуть?..»

А вот в рассказе ненецкого поэта и прозаика Василия Ледкова «Чум» описана совсем другая ситуация, когда живущий с внучкой в строящемся городе дед-ненец никак не может привыкнуть к каменным стенам. Как говорит он сам: «Мне дома воздух мало, ветер не качается. — Он стукнул себя по голове. — Дома эта коробка болит. Городе глазам темно, городе небо мало. Простор нет». В конце концов измученный таким житьем дед привозит себе чум и поселяется в нем. Но рассказ на этом не кончается. Городской архитектор заинтересовался жилищем деда и добился пересмотра генерального плана строительства. В эпилоге рассказа мы видим гигантскую гостиницу из стекла и бетона, своим очертанием напоминающую чум. И новая квартира деда Игната на двадцать

втором этаже тоже напоминает чум — и формой и специальной низкой мебелью. «Через круговое окно глядело в комнату со всех сторон чистое небо, а внизу, пока хватает глаз, по широкому ковру тундры, как бы извиваясь на ветру, бежала голубой лентой река».

А чью точку зрения разделяете вы, Владимир Михайлович? Какие, на ваш взгляд, проблемы сегодняшней жизни народов Севера еще ждут своего решения?

— Прежде всего хочу заметить, что каменный чум Василия Ледкова — это скорее образное, нежели конкретное решение проблемы. А проблема такая действительно существует.

За короткий исторический срок народности Севера с помощью русского и других братских народов Советского Союза ликвидировали вековую отсталость, совершили переход от патриархально-родового строя к развитому социалистическому обществу. Это привело к их возрождению, преобразованию хозяйства, подъему культуры, коренным изменениям в социальной культуре. Важной социально-экономической задачей является завершение перевода кочевого населения на оседлый образ жизни. Сейчас уже переведено на оседлость свыше 18 тысяч семей. Во многих областях эта работа практически уже закончена. В Тюменской и Архангельской областях, Хабаровском и Красноярском краях, Якутской АССР перевод на оседлость завершается. Бывшие кочевники получают благоустроенные квартиры со всеми коммунальными удобствами. И Семен Курилов, конечно, прав — к хорошему привыкнуть нетрудно. Я лично не встречал людей, которые отказывались бы от водопровода или газовой плиты.

И все же, строя жилье для народов Севера, необходимо учитывать традиции, уклад жизни коренного населения. Необходимо помнить, что тот же перевод к оседлости осуществлен на протяжении жизни всего одного-двух поколений. Может быть, нет смысла копировать в камне или дереве традиционный северный чум, но сохранить какие-то его особенности следует. Во-первых, я думаю, что в национальных поселках не надо увлекаться многоэтажным строительством. Каждая семья должна иметь свое жилище с подсобными помещениями для хранения запасов пищи, охотничьего и рыболовного снаряжения, для собак, упряжки которых в тундре пока еще не может заменить ни один вездеход.

Что же касается промышленного наступления на Север, то я считаю, что это закономерный процесс. Единственное, с чем бы я не спешил, — так это с бытующим еще подчас желанием привлечь в промышленность как можно больше представителей коренного населения. Здесь есть свои «но». Прежде всего «но» традиционного характера: стоит ли разрушать вековые династии оленеводов, охотников-промысловиков... На второе «но» уже можно посмотреть и с экономической стороны. Ученые считают, что акклиматизация человека на Севере происходит обычно за 1—2 года. Причем имеется, конечно, в виду работа в промышленности. Думаю, если бы поставить эксперимент по привлечению приезжих, скажем, в оленеводство, то срок акклиматизации значительно бы увеличился. А между тем коренные жители с детства имеют навыки этой совсем непростой работы. И можно только приветствовать введение в школьные программы изучения основ оленеводства — этой немаловажной отрасли народного хозяйства.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера», принятом два года назад, указывается на необходимость дальнейшего совершенствования организации труда оленеводов, а также работающих в охотничьих, рыбных и зверобойных промыслах. Это традиционные и основные виды занятий коренного населения Севера, и будет очень обидно, если наши потомки будут знать об этом только из литературы.

— Владимир Михайлович, я уже знаю, что вы считаете свою судьбу обычной и даже типичной для нашего времени. Расскажите, пожалуйста, о ней нашим читателям.

— Моя судьба — действительно не исключение. Писателей, ученых, композиторов, художников, заслуженных людей можно сегодня назвать много в каждой народности Севера. У каждого, разумеется, свой путь, своя биография, но, сложенные вместе, эти пути, эти биографии представляют единую великую

историю возрождения наших народов. Возрождения, которое стало возможным только в советское время.

Я вместе с братом и сестрой рос в бедной семье. Отец наш умер, когда мне было только три года. Мать была больна. К тому же мое детство выпало на тяжелые военные годы. И все же старики вспоминали, что было еще тяжелее.

Как-то в детстве, уже познав грамоту, я прочитал матери автобиографическую книгу юкагирского писателя Тэки Одулока. Писатель рассказывал о своей горькой батрацкой юности, о том, что спал на полу в кухне без постели и совсем не знал белья. Когда я прочитал слова: «Облезлая оленья рубаха и штаны, надетые на голое тело, были единственной моей одеждой», — мать прервала меня: «А юкагиры-батраки не так уж плохо жили — у них была оленья одежда. А я с тремя сестрами, хотя мы и не были батраками, носили одежду из рыбьей кожи и только и делали, что жались к очагу. В нашем жилище имелась рваная собачья доха, оставшаяся еще от бабушки. Ее надевала та из нас, кому следовало выйти в буран за дровами или снегом».

А я, как и все наши мальчишки и девчонки, учился в школе. Мать моя, сама женщина неграмотная, хорошо понимала важность и необходимость образования. Никогда не забуду один из уроков жизни, преподаваемый ею мне.

Жил в нашем поселке Чайво, что на северо-восточном побережье Сахалина, русский бухгалтер Семен Семенович Ткачев. Так вот, этот Семен Семенович, в очках, с деревянными счетами под мышкой, казался нам самым загадочным человеком. Когда он заходил в контору и начинал перебрасывать костяшки на счетах, мы забирались на завалинку и затаив дыхание вглядывались в окна, смотрели, что он там шаманит. Однажды за этим занятием застала меня мать. Она сказала: «Вот русский, он знает то, что не знает самый мудрый нивх. Он бухгалтер. Ты тоже сможешь стать бухгалтером, если будешь учиться».

И я учился. Бухгалтером, правда-таки, не стал. Окончив семилетку, я получил весьма лестное для меня предложение — пойти учеником на метеостанцию. Разумеется, я тут же согласился. Но в тот же день меня позвали в сельсовет и сказали, что из Ногликов, из нашего райцентра, пришло направление для меня. Меня послали учиться на факультет народов Севера при Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена. Мать моя тут же дала согласие. И я поехал в Ленинград, в институт.

— С семилеткой?

— Да. Но тогда при факультете народов Севера существовали специальные подготовительные курсы, на которых мы в течение трех лет получали среднее образование. Сейчас таких курсов нет. А жаль. Потому что, хотя все дети народностей Севера и получают сейчас обязательное десятилетнее образование, все же, не надо на это закрывать глаза, уровень образования в далеком селении пока еще не соответствует той подготовке, которую получают выпускники школ, скажем, в большом городе. И я думаю, что в целях более эффективной подготовки национальных кадров следует восстановить подготовительный факультет в Ленинграде.

Писать я начал, будучи еще студентом. Мне хотелось как можно достовернее рассказать правду о жизни моего народа. Первая моя книга в переводе на русский язык была издана в 1961 году. Называлась она «Нивхские легенды». Никогда не забуду письмо Константина Федина, которое он прислал мне после ее выхода: «Итак, появился нивхский писатель — певец нивхов, которому предстоит открыть другим народам душу и сердце своего...» Эти слова до сих пор меня ко многому обязывают.

— И традиционный вопрос: ваши планы?

— Продолжаю писать и стихи и прозу. Много работы, как я уже говорил, по созданию учебной литературы на нивхском языке. Готовлюсь к переводу на нивхский язык знаменитых книг Леонида Ильича Брежнева.

И еще одно радостное дело заботит меня сейчас — готовлю к изданию первый том десяти томника «Библиотеки народов Севера». Он должен выйти в будущем году.

Беседу вел
Валерий ЕВСЕЕВ.

Владимир БАЛАЧАН

Мы в школу за семь верст ходили.
Чтоб мы успели на урок,
До солнца мамы нас будили
И провожали за порог.
Ни буйных трав и ни деревьев —
Дорога берегом вела
От Старо-Яркова — деревни
До Ново-Яркова — села.
Над степью жаворонки пели.
Кричали чайки на Чанах.
Телеги ранние скрипели.
Взлетали весла на челнах.
В портфелях мы несли тетрадки,
Порою было в них — хоть плачь! —
И с языком не все в порядке
И с объяснением задач.
Но, обходя стороной глыбы,
Мы приносили на урок
Ракушки, запахи полыни
И с хрипотою говорок.
Разгоряченные с дороги —
Над кипой книг и словарей
Дышали силой мы,
Здоровьем,
Любовью к Родине своей.

Голос Родины

(Из детства)

Голос Родины — ручей.
Хорошо мне стало
От простых его речей,
Теплых и картавых.

Голос Родины — скворец.
И светло в округе.
Домик. Шест. Его дворец
Излучает звуки.

Голос Родины.
До слез,
До приятной боли:
Шелест флага, шум берез,
Звон колосьев в поле.

Вечер. Светятся огни
Из оконной рамы...
— Спи, сыночек мой, усни! —
Это голос мамы.

Вторая весна

Первая моя весна.
Первый выезд в поле...
Оторваться ото сна
Не хватало воли.
В росной серой полумгле
Я, еще до солнца,
Шел за плугом по земле
Тяжело и сонно.
И тянулась борозда
Вслед за мною
Гривой,
Как тропинка в никуда —
Медленно и криво.
И, по-честному сказать,
Лишь к середине лета
Научился я вставать
Утром
До рассвета.
Но была в моей судьбе
Та весна, вторая...
И шагал я по стерне,
До зари вставая,
И тянулась той весной
Борозда по гриве,
За мою за спиной —
Ровно и красиво.
И соленый пот — не в счет,
И усталость даже...
С той весны веду отчет
Трудового стажа.
И летит через года
С той поры доселе
Та пямая борозда —
Как дорога к цели.

Американскому исследователю Джеймсу Ензену повезло: во время раскопок на одном из плато в Скалистых горах он обнаружил окаменевшие кости самого крупного животного, когда-либо обитавшего на планете Земля. Судя по одной из костей, с которой горделиво позырует Ензен (а ее длина 2,75 метра), гигант, нареченный ультразавром, весил не менее 80 тонн. Для сравнения — это примерно столько, сколько весит два пассажирских самолета «боинг-737»...

Существует множество гипотез о

причинах исчезновения динозавров — их отличает блеск фантазии и, по понятным причинам, весьма скудный набор фактов и доказательств. Что-то изменилось в решающих для жизни динозавров обстоятельствах, но что именно? Все ответы, которые предложены, встречены со скепсисом, подлинной науке всегда свойственным. Да и сложно быть безупречно убедительным, ведь со времени исчезновения динозавров прошло ни много ни мало 65 миллионов лет.

Динозавров мы разглядываем сегодня

лишь на страницах книжек, посвященных далекому прошлому Земли. Но горестная их судьба — полное вымирание — угрожает ныне множеству видов животных, к которым мы привыкли как к неотъемлемой части окружающей человека среды. Причины? Их немало, и они не всегда однозначны. И все же разобраться с ними легче, чем с тем, что случилось миллионы лет тому назад.

Вот данные Всемирного общества охраны природы...

Леопарды полностью вымерли в ря-

УЛИЧНЫЙ СПЕКТАКЛЬ В КАРАЧИ (ПАКИСТАН). ВЕРЕВКА И ПАЛКА В РУКАХ ХОЗЯИНА ЗАСТАВЛЯЮТ МАКАКУ ДЕМОНИСТРИРОВАТЬ ИСКУСНЫЕ ТРЮКИ. ДЛЯ МАЛЕНЬКОГО ЗВЕРЬКА НЕ СУЩЕСТВУЕТ «ОХРАНЫ ТРУДА»...

**МИР
КАПИТАЛА:
УБИИСТВЕННЫЙ
БИЗНЕС**

де районов, 5 из 20 видов под угрозой вымирания в результате браконьерства и нелегального промысла шкур. Горные гориллы почти вымерли, общее число, вероятно, меньше 250; причины — погони за черепами горилл как за «сувенирами», разрушение среды обитания. Слоны азиатские — осталось около 35 тысяч с тенденцией к убыванию; причины — погони за слоновой костью, разрушение среды обитания... И так далее и так далее. Список велик и безрадостен.

70 стран обязались придерживаться

Вашингтонской конвенции 1973 года о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой вымирания. Но есть ли возможность реально обеспечить соблюдение норм, установленных на основе заключений авторитетных экспертов, в условиях «свободного рынка»? То, что стало нелегальным, попросту стало дороже, — так расшифровывается нынешняя ситуация.

Запрещено! — Но звучат автоматные очереди в национальных парках Африки.

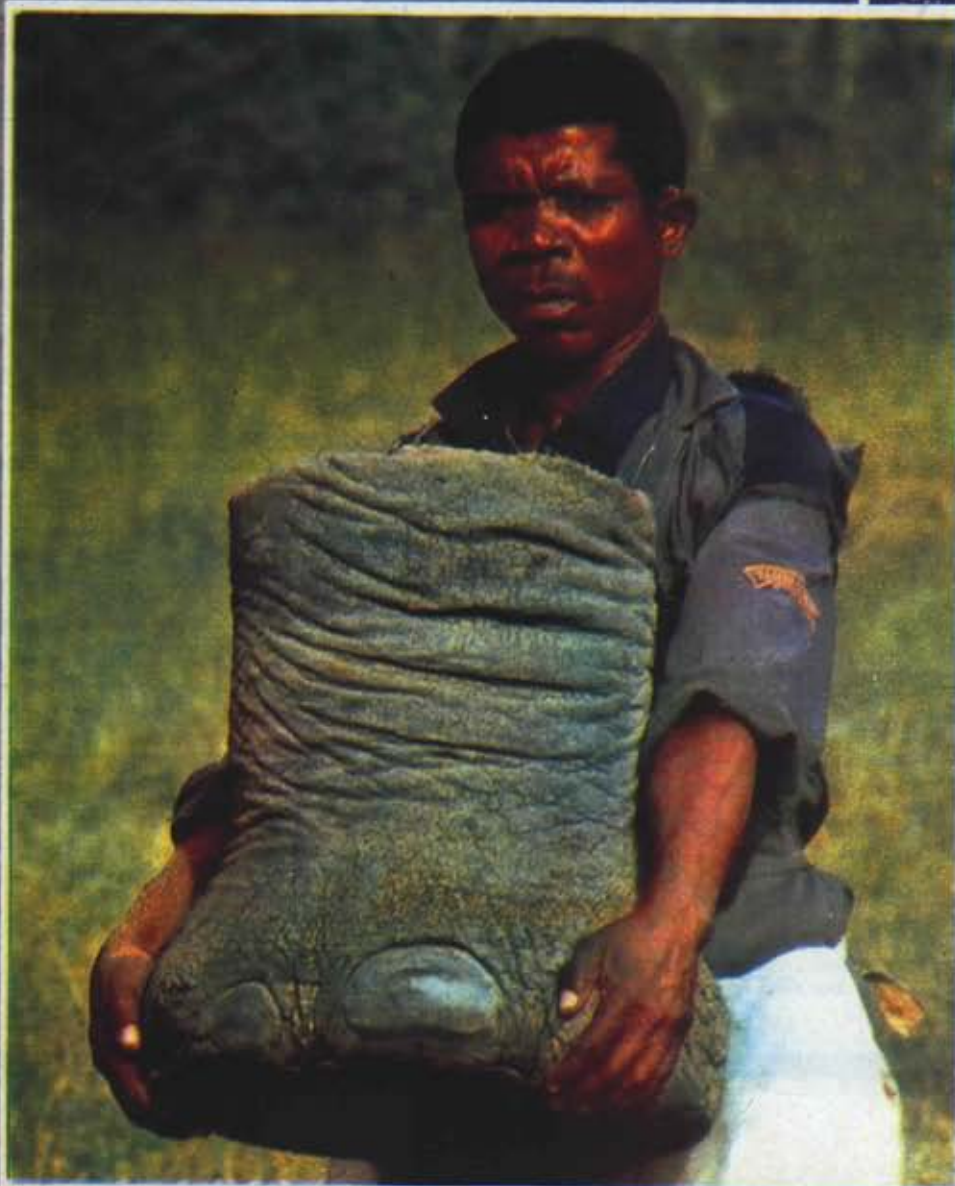
Запрещено! — Но по фальшивым документам тысячи и тысячи редких животных отлавливаются самыми чудовищными способами для частных зоопарков и «зооагентств» Западной Европы и Америки.

Предлагаем вниманию читателей материалы, опубликованные в американском журнале «Нэшнл джиджорфик» и в западногерманском журнале «ГЕО». Речь в них идет о жестоком и безудержном уничтожении неповторимой фауны Земли, о гибели редчайших животных. Пружины «убийствен-

ного бизнеса» (употребляя выражение «ГЕО») — алчность торговцев и фальшивые критерии «престижности» у обывателей с толстой мошной.

Горькие свидетельства приводятся в этих публикациях. И вот о чем они заставляют думать: зверство над животными неизбежно оказывается где-то рядом со зверством над людьми, и воспитание жестокости с неизбежностью поражает все сферы жизни общества. Тому немало примеров.

Итак, убийственный бизнес. То, чего не должно быть на Земле...

КРОКОДИЛЫ ВСЕГДА ИСПОЛНЯЛИ В ПРИРОДЕ РОЛЬ «ЧИСТИЛЬЩИКОВ» — ПОКА ИХ ПОЧТИ ПОЛНОСТЬЮ НЕ ИСТРЕБИЛИ: ДОРОГИЕ МАГАЗИНЫ ПРОДАВАЛИ МОДНЫЕ РЕМНИ, СУМКИ, ТУФЛИ ИЗ КРОКОДИЛОВОЙ КОЖИ.

«СУВЕНИР» ДЛЯ СНОБОВ АМЕРИКИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: СЛОНОВАЯ НОГА В КАЧЕСТВЕ КОРЗИНЫ ДЛЯ БУМАГ. ЕСЛИ ИСТРЕБЛЕНИЕ СЛОНОВ НЕ ОСТАНОВИТЬ, ПРЕДУПРЕЖДАЮТ УЧЕНЫЕ, ТО ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ В ПАМЯТЬ О НИХ ОСТАНУТСЯ ЛИШЬ ФИГУРКИ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ.

РОГА НОСОРОГА — ХОДОВОЙ ТОВАР НА РЫНКЕ БРАКОНЬЕРОВ. ОХОТУ НА НИХ ВЕДУТ ЦЕЛЫМИ БАНДАМИ. НЕВЕЖЕСТВЕННЫЕ ЗНАХАРИ ПРИПИСЫВАЮТ ПОРОШКУ ИЗ РОГА ЧУДОТВОРНЫЕ СВОЙСТВА — И СТАНОВИТСЯ ВСЕ МЕНЬШЕ НЕУКЛЮЖИХ ГИГАНТОВ.

МИР КАПИТАЛА: УБИЙСТВЕННЫЙ БИЗНЕС

печения предприятий этой развлекательной индустрии тропическим «инвентарем» мы импортируем сотни тысяч подлежащих охране животных. Так как смертность среди них катастрофически высока, пополнение требуется постоянно.

Еще больше вреда, чем эта «парковая эпидемия», приносит другая характерная особенность западногерманского общества: стремление к престижности. Дабы парк мог считаться шикарным, ему необходимо что-нибудь этакое, чего нигде больше не увидишь: не «немецкая домашняя кошка», но гепард, не волнистый попугай, но редкостная экзотическая птица из Новой Каледонии, не морская свинка, но кавказский дикобраз.

Так как в ФРГ понятие «зоопарк» юридически не закреплено, то я могу снять в аренду участок, огородить его и вывесить табличку: «Зоопарк». Если туалеты и стоянка для автомашин окажутся в порядке, местные органы власти обязаны будут выдать мне лицензию. Так я превращусь в «директора зоопарка» и сразу же получу возможность ввозить редчайших, находящихся под угрозой вымирания животных.

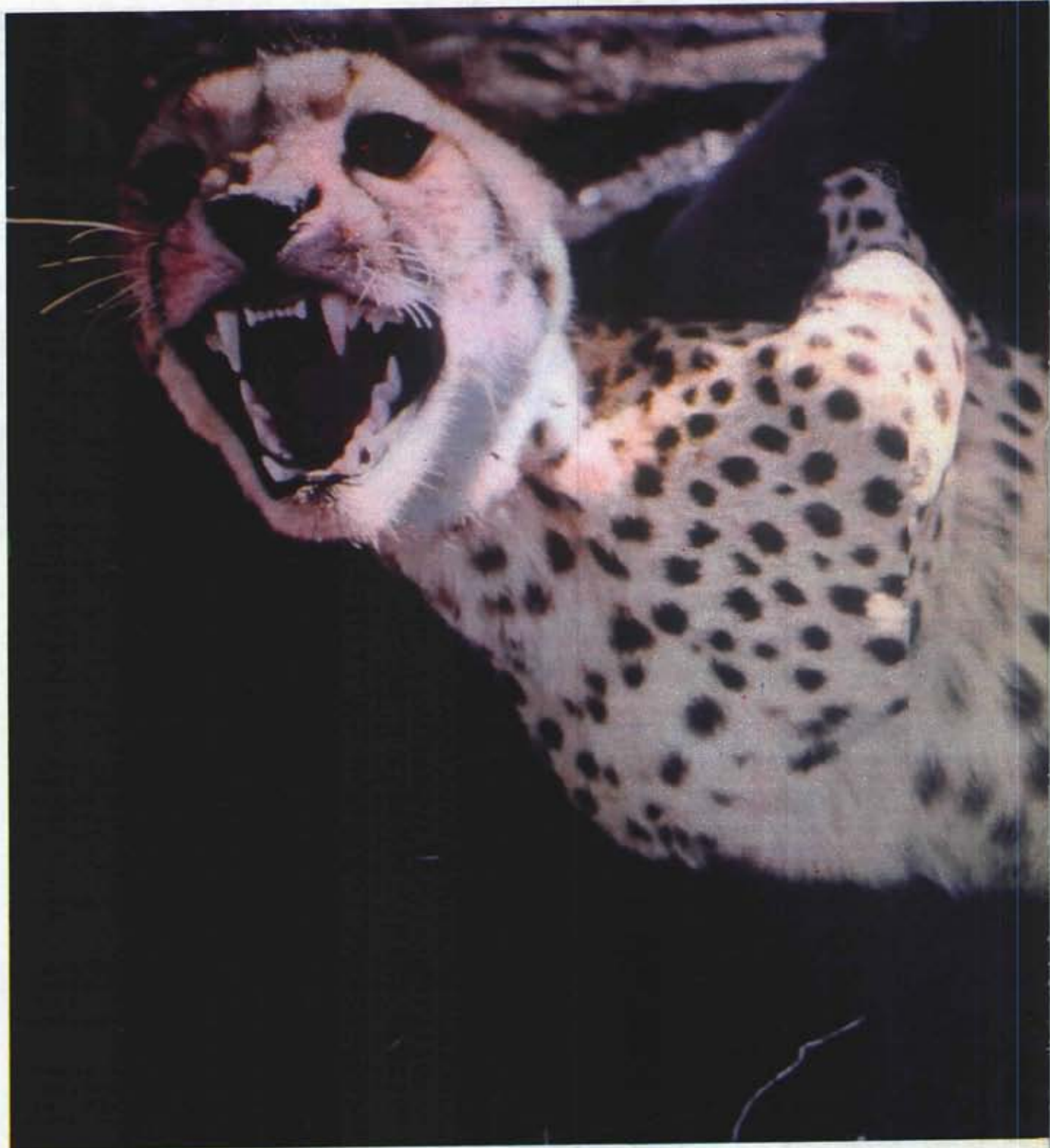
В истреблении фауны Федеративная Республика Германии играет совершенно исключительную роль. Вот статистика импорта только за один год: 340 000 крокодиловых кож, 160 000 шкур пятнистых кошачьих, 34 тонны черепашого мяса, 6500 тонн китового жира (для чего потребовалось уничтожить 1000 кашалотов), 66 тонн слоновой кости (это лишило жизни 6000 слонов).

Но это еще не все.

200 000 обезьян заперты в наших квартирах и частных зоопарках.

**СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ КРАСАВЕЦ
ГЕПАРД СПОСОБЕН ДОСТИГАТЬ
СКОРОСТИ 115 КМ/ЧАС.
НО ЭТО НЕ СПАСЛО ЕГО...**

**В МЕХОВОМ МАГАЗИНЕ МЮНХЕНА
БОГАТЫЙ ВЫБОР МАНТО
ИЗ ЛЕОПАРДОВЫХ ШКУР —
ХОТЯ ИМПОРТ ЭТИХ ШКУР
ЗАПРЕЩЕН.**

30 000 хищных птиц — орлов, соколов — сидят на привязи в наших задних дворах.

При таком колоссальном спросе не может быть недостатка в крупных поставщиках, не останавливающихся ни перед чем.

...Вальтера Зензена из Верхней Франконии в 1973 году осудили в Дармштадте за истязание животных. Лондонское Королевское общество защиты животных выступило с обвинением против него. Цюрихское общество защиты животных заявило о его незаконных действиях. Отдел по борьбе с контрабандой в Аахене тоже выдвинул свои обвинения. Но... Представители Всемирного общества охраны природы недавно выразили сожаление, что «герр Зензен в Баварии уже в третий раз получил разрешение иметь дело с животными»...

В густой сети параграфов и предписаний постоянно запутываются только обвинители, но крайне редко обвиняемые.

Весной 1978 года премьер-министры Сент-Винсента и Доминики обратились с подробными письмами к министру иностранных дел ФРГ Геншеру. Речь шла о том, что с обоих островов были похище-

**УДАТСЯ ЛИ БЛАГОДАРЯ
КРУГЛОСУТОЧНОЙ ОХРАНЕ,
УСТАНОВЛЕННОЙ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКАХ
КЕНИИ,
СПАСТИ НОСОГОВ
ОТ БРАКОНЬЕРСКИХ ПУЛЬ?**

**ЧТОБЫ ДОБЫТЬ
ТРИ РЕДКИХ ВИДА
АМАЗОНСКИХ ПОПУГАЕВ
ДЛЯ ПТИЧЬЕГО ПАРКА В ФРГ,
БРАКОНЬЕРЫ ИСТРЕБИЛИ
МНОЖЕСТВО ПТИЦ.
ТЫСЯЧИ И ТЫСЯЧИ ПЕРНАТЫХ
ГИБНУТ ВО ВРЕМЯ
ТРАНСПОРТИРОВКИ —
КУПИТЬ ДОКУМЕНТЫ
НЕ РЕДКО ДЕШЕВЛЕ,
ЧЕМ ОБЕСПЕЧИТЬ ПРАВИЛА
НАДЕЖНОЙ ПЕРЕВОЗКИ.**

**ЛИШЬ ОДНА
ИЗ ДЕСЯТИ ОБЕЗЬЯН
ОСТАЕТСЯ В ЖИВЫХ
ПОСЛЕ ПЕРЕЛЕТА
ИЗ АЗИИ В ЕВРОПУ...**

ны по меньшей мере 16 редчайших попугаев для птичьего парка в Вальсроде.

При этой охоте были сожжены целые леса. Птиц огнем заставляли покинуть деревья, после чего ловили сетями и подстреливали дробью, истребив таким образом целые виды, которые только в этих лесах и водились.

Доминика (с 1978 года независимое государство) и Сент-Винсент (независимый с 1980 года) предъявили Вольфгангу Брзму, директору птичьего парка в Вальсроде, требование возместить нанесенный ущерб.

21 июля 1978 года советник посольства д-р фон Хассель сообщил премьер-министру Доминики, что министерство иностранных дел «поручило компетентным немецким инстанциям провести расследование данного случая».

А 19 сентября 1978 года эти «компетентные инстанции» пришли к заключению, что в действиях Брзма «не содержится признаков нарушения Вашингтонской конвенции»...

Годовой оборот легальной торговли животными достигает 300—400 милли-

онов марок. Если прибавить к этому доход от шкур, мехов и прочего, то, по мнению экспертов, цифра приблизится к миллиарду. Ну, а об обороте нелегальных сделок можно только гадать — имея при этом в виду, что все запретное стоит много дороже...

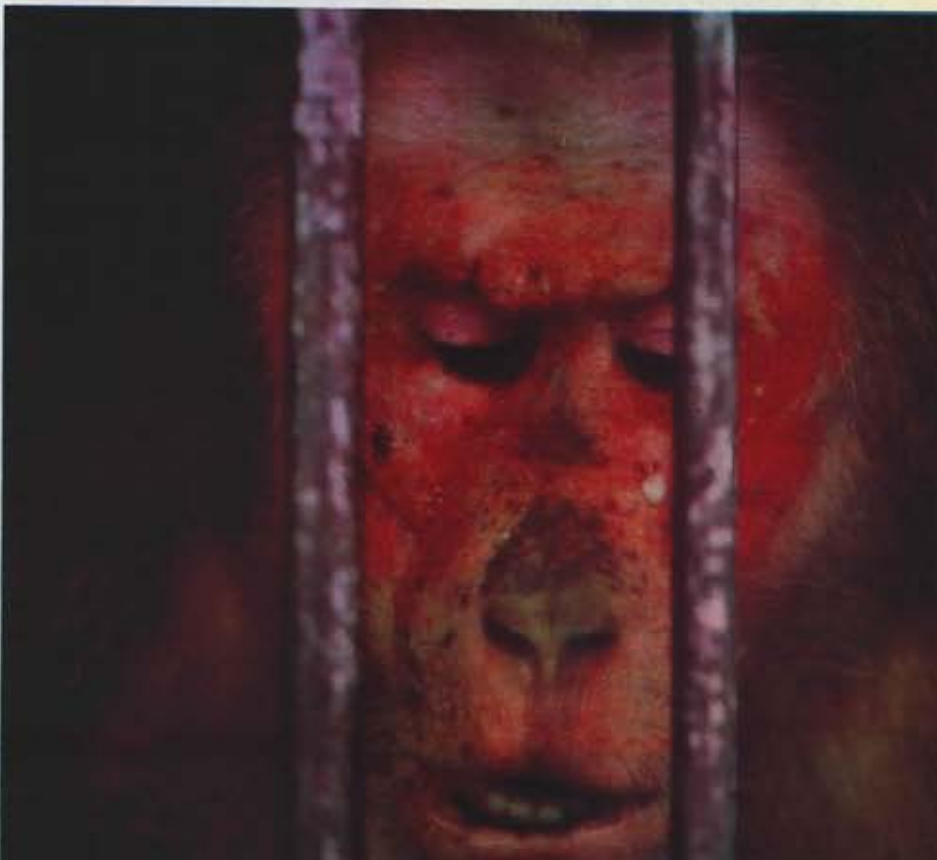
Впрочем, масштабы масштабами, а когда сталкиваешься даже с единичным случаем, не можешь не думать о том, о чем думаю я всякий раз при посещении аэропорта в Бангкоке: большинство из бедняг, запертых в клетки, погибнут, не долетев до цели.

Я знаю: случись так, что снова какая-нибудь маленькая обезьянка станет за меня цепляться, я отнесу ее назад, в девственный лес.

И одним из самых прекрасных переживаний в моей жизни будет тот момент, когда обезьянка у меня на глазах станет карабкаться по веткам все выше и выше, туда, где ее ждет свобода.

«ГЕО», ФРГ

Перевела с английского и немецкого
Татьяна ГИНЗБУРГ.

Как я боялся, что при всех заплачу,
Как будто сострадания попрошу,
Удачлив тот, кто начал с неудачи,
Как будто не раскрылся парашют.

Как будто на какие-то мгновенья
Свободное паденье продлено,
И сразу вера, боль и нетерпенье
Сливаются в понятие одно.

Рождаются в нем нужные и лишние,
Но никому в тот миг не все равно,
И понял я, что непременно выживу,
Что это мне с рождения дано.

А я боялся, что при всех заплачу,
И так вот, не раскрывшись, упаду...
Как счастлив тот,
Кто начал с неудачи,—
За тем, кто выжил, с верою иду!

Путь на пруды

Где-то в районе прудов Патриарших
Я становлюсь молчаливей и старше.
И отдаю тебя долгой дороге,
Всем, кто увидит
Легкие ноги,
Взлетные руки, теплые плечи,
Всем, кто в зрачках тебя
Увековечил.
Вряд ли сокрыть тебя
можно от города,
Мне у прудов беспокойно и холодно.
С завистью глядя на двух лебедей,
Жду предназначенный день.

Где-то в районе прудов и деревьев
Ты появилась — служанка доверья,
Взлетные руки у тихой воды,
Все прожитое — путь на пруды.

Летний сад

Утихнут вдруг автомобили,
И прошлый век в свой сад войдет,
И каждый про себя поймет,
Что мы уже когда-то были.

Пути времен на миг сомкнутся
Здесь, в парке старом у реки,
А дети только засмеются,
Но будут плакать старики.

Старая дача

Зима облокотилась на плетень
Последним снегом,
Серым и недолгим.
Откроют ставни.
Приберут у дома,
На старой даче —
Самый главный день...

И дома наклонившаяся тень
Идет от солнца тихим шагом вдовым.

Какого рода или племени
Я дух живучий берегу,
Река взяла свое у времени,
А время выпило реку.

Сухое русло меж пригорками,
Как впалая щека земли,
По той щеке слезой негромкою
Две струйки чистые текли.

Вот — говорят — конец реки,
Да разве смертны родники?!

И облачная в небе кобылица
Встревает гриву солнечных лучей,
И в этот час последний сон приснится,
Залетный сон, не мой, не твой, ничей.

И счастье в алых пригоршнях рассвета
Придет в том сне с рождающимся днем,
Наверно, утро любим мы за это,
А может быть, для этого живем.

...И в зацветших прудах
Жизнь казалась нечаянным словом.
Светло-желтым и в трещинах
Словно старик мезонин...
Я сюда приходил
По совсем непонятному зову,
По совсем одинокому зову
Замшелых осин.

Я сюда приходил.
Чтоб еще посидеть на ступенях,
Чтоб на темные окна,
Как сон, налетал листопад,
Словно жизнь — это детство,
И я на отцовских коленях,
И прозрачны пруды,
И ухожен в цветении сад.

О трамвайном билете

В трамвай войду и заплачу пятак,
Три — за проезд, а две копейки — так!
За те воспоминанья, по которым
Маршрутом нашим побежит трамвай.

А в сквере будет девушка сидеть.
И в кассу я еще отсыплю медь
За то, что этой девушки глаза
Вчерашние, любимые, твои.

А на конечной остановке я ли
Лишусь уже последнего рубля,
Штраф оплачу, ведь я не взял билет,
В прошедшее для нас билетов нет.

Спасибо той, которая была,
Которая не позабылась скоро,
Чьим именем назвал я
целый город.

Где ты заветной улицей жила.
Спасибо той, которая была,
За то спасибо,

что уже не будет,
И что воспоминания не будит,
И что меня любимой отдала.

Дмитрий УЛЬЯНЦЕВ

Когда знакомый в дом наш приходил,
Я по привычке в угол забивался,
игрушкой самодельной забавлялся.
Гость неслучайный, он угрюмым был.

но, разомлев, конфетой угощал,
давал играть медалью настоящей.
А со стены смотрел на будни наши
отец и ничего мне не прощал.

«Давно тебе пора с войны прийти.
Ведь знаешь ты, как я тебя заждался.—
И плакал я.—
Ты видишь... защити...»

Но лишь во сне домой ты возвращался.

Лариса МИЛЛЕР

А мне туда и не пробиться,
Откуда родом дождь и птица.
И полевые сорняки
Такие знают тайники,
Какие для меня закрыты.
Дороги дождиком изрыты,
А дождик в сговоре с листвою.
И разговор невнятный свой

Они ведут. И дождь уклончив:
Стихает, речи не закончив,
И вновь летит наискосок,
Волнуя реку и лесок
Речами быстрыми. Как в душу,
Я в реку глянула: «Послушай,
Прошу, поведай, покажи»...
А там лишь небо да стрижи.

Станция Сербка *

Хор соловьиный гремит под горой,
там, где орешник у самой криницы.
Сербку, что светит цыганской серьгой,
луна примеряет — в криницу глядится.

Звезды на небе готовы уснуть.
Песни нам путь к соловьям указали.
Только бы ветер шальной не вспугнуть.
Шорохи в запахе трав угасали.

Клен приютил нас в полночной тени.
Хор бушевал — и нельзя разрыдаться.
Здесь позабылись печальные дни.
Здесь нам хотелось навеки остаться.

Станция в Одесской области.

Александр МЕДВЕДЕВ

Над воспоминанием вечер зажег
кристаллы осенних созвездий.
В чулане у клуба стрекочет движок.
Кино начинается с песни!

И куча мала затихает, сопя.
О миг долгожданного счастья!
И мы, отрешась, принимаем в себя
недетские боли и страсти.

А небо на пленке затертой темно,
пульсирует новой тревогой.
Но снова врагам победить не дано,
и в срок успевает подмога.

Вот он и она у калитки. Сирень.
А дальше опять интересно:
стреляют зенитки, и с воем сирен
мешается девичья песня.

Как поезд с победно-ликующим «Мчу!»,
в грядущие дни ветровые
неистово по световому лучу
события летят мировые.

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

22 ИЮНЯ

Молчит репродуктор, толпа прибывает.
Беседуют листья среди тишины.
А где-то уже сапоги отбивают
Двенадцатый час и начало войны.

А я, неродившийся, в лиственном хоре
С тревожной надеждой смотрю наяву,
Как девочка плачет, которую вскоре
Впервые я мамой своей назову.

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

Предзимье

Как отраден холмистый простор,
Где за только что поднятой зябью
Омывается утренний взор
Черно-белой березовой рябью!
Полегла огневая листва,
И прозрачны плакучие сени.
Но ведь эта краса не мертва
Даже поздней порою осенней!
Потому-то я сердцем тянусь,
Ощущением предзимья изранен,
Все к тебе, многоликая Русь,
Чей покой так лучист и желанен,
Чья извечная добрая мощь
Раскрывается именно в этом
Сочетании пахот и роц,
Озаренных немеркнувшим светом!..

Узоры полхова-майдана

«Кому тарарушки? Тарарушки» — зазывала румяная женщина в тулупе. Перед ней на прилавке лежали разрисованные красками деревянные копилки, коробки, матрешки и пистолеты. Несколько раз щелкнув курком и выстрелив пробкой из-под бутылки — она была привязана к рукоятке с цветочным орнаментом, я начал умолять купить мне игрушку.

Во дворе мои приятели завистливо смотрели на деревянное оружие, каждый хотел поддержать его, пострелять. Я рассказал друзьям, что мне купили пистолет на рынке, и вскоре все мальчишки нашего двора были «вооружены».

Так впервые я познакомился с умельцами из Полхова-Майдана. Конечно, в ту пору я не подозревал, что есть на свете такая деревня, где режут из дерева всевозможные вещи и расписывают их.

Бывшая Нижегородская губерния с давних пор славилась художественными ремеслами. В Полхове-Майдане тоже жили рукодельные люди — они делали поначалу некрашеную деревянную посуду. Возами отправляли ее на ярмарки.

Мастеровые всегда были смекалистыми людьми. Чтобы посуда пользовалась большим спросом, позже начали ее выжженным орнаментом украшать. Для этого стали заводить в Полхове-Майдане выжигательные аппараты, они работали с помощью бензина.

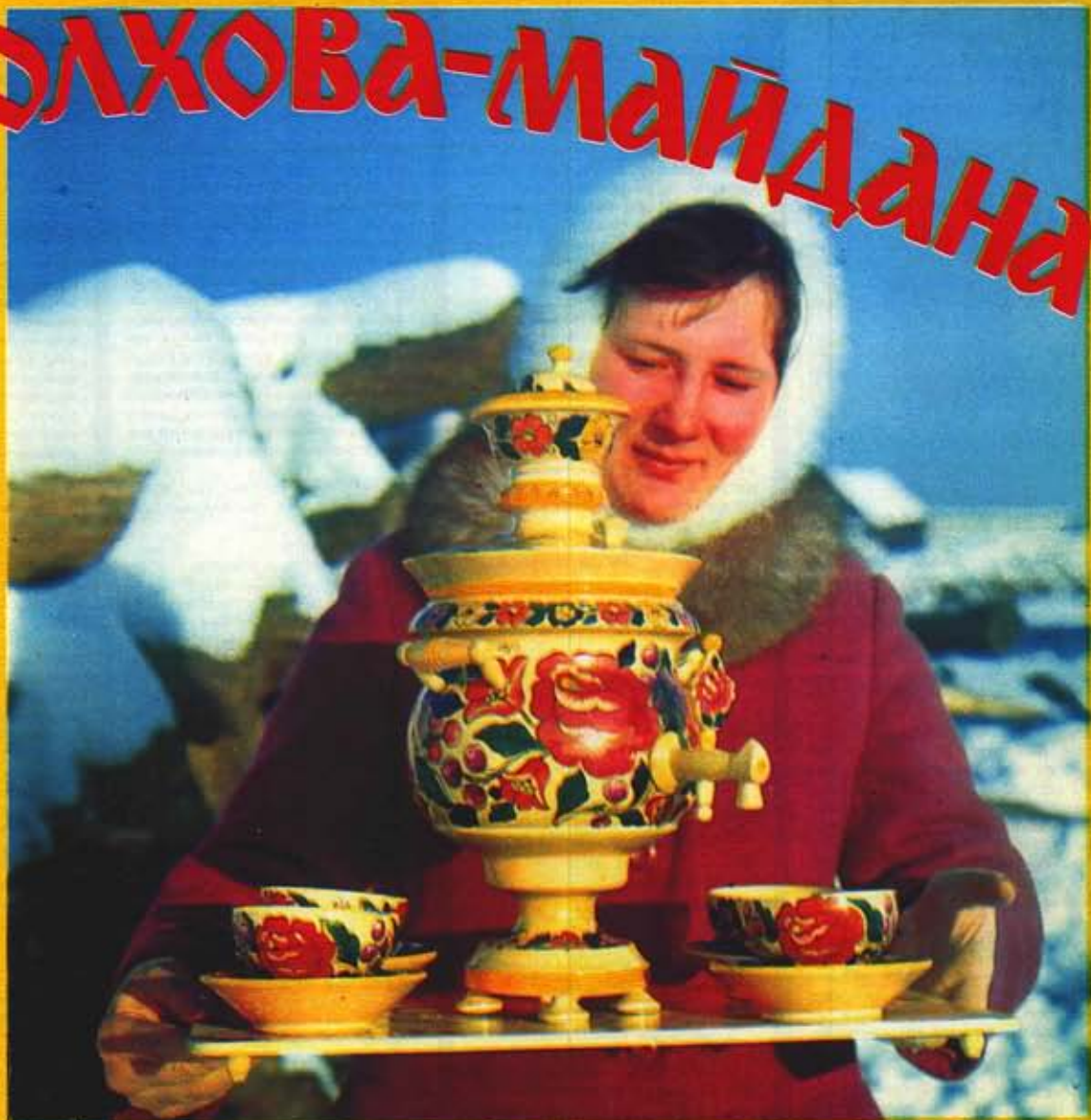
В 20-х годах по выжженным бороздам попробовали краску класть. Получилось неплохо. Но вскоре от этого метода отказались, стали украшать изделия только с помощью тонкой кисти — расписывать их.

Замела зима дороги, запылила леса, принарядила деревни. Все они очень красивы в эту пору. Но, пожалуй, на юге Горьковской области красоты лучше Полхова-Майдана не отыскать. Добротные дома разбегались во все стороны, поднялись на косогоры, спрятались в оврагах, выстроились на ровных местах. Дома как дома. Но похожих среди них нет. У каждого своя архитектура, своя раскраска. Окна смотрят на деревенскую улицу из обрамления резных наличников. Диву даешься, откуда столько фантазии у мастеров берется. А она у них неисчерпаема — заборы в деревне и те не похожи друг на друга.

Сейчас в этих местах создано художественное объединение «Полхов-майданская роспись». Его головное предприятие находится в райцентре — в Вознесенском.

Долго и не прост путь полхов-майданской «тарарушки». Сначала художники ее придумывают — рисуют карандашами, потом вырезают из дерева и расписывают. Ну а после того, как она «удалась» и одобрена художественным советом, начинаются тиражные выпуски.

Сухое дерево попадает на токарные станки. Сырое для этого не годится — оно высыхает и трескается. Завивается, бежит из-под резца душистая стружка. Гладкие, струганные заготовки — вазы, подставки, ковши — ложатся на верстак у токарного станка. А он шумит и точит неумолимо целый день. Когда-то все это делали вручную, с помощью немудреных инстру-

ВСЕ ИЗДЕЛИЯ ПОЛХОВ-МАЙДАНСКИХ МАСТЕРОВ ИМЕЮТ ПРИКЛАДНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ.

**РАДУЮТ ГЛАЗ, ВЕСЕЛЯТ ДУШУ
УЗОРЫ НА ДЕРЕВЕ.**

ментов — пил, стамесок, ножей, полировочных шкур.

Потом заготовки попадают к грунтовщикам. Они их делают белоснежными. По всей внешней стороне грунт кладут. Ни один миллиметр дерева нельзя пропустить, краски без него будут плохо ложиться, не «загорятся» тогда они.

Сухие, загрунтованные заготовки приходят к мастерам-раскрасчицам. Они-то и должны оживлять их полхов-майданской росписью. Ее не спутаешь ни с одной из известных школ этого традиционного в России вида искусства. Свой стиль у нее — графиче-

ПОЛХОВ-МАЙДАНСКУЮ РОСПИСЬ НЕ СПУТАЕШЬ НИ С ОДНОЙ ИЗ ИЗВЕСТНЫХ ШКОЛ ЭТОГО ТРАДИЦИОННОГО ИСКУССТВА.

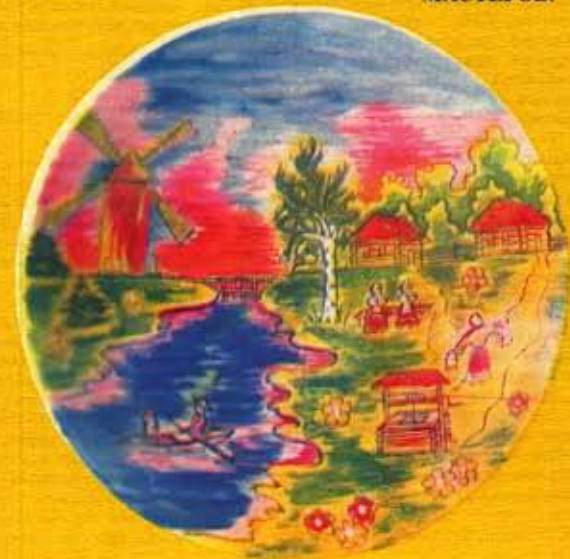
ский, свои краски — их берется немного, и обязательно для каждого изделия орнаменты, куда непременно вплетаются яркие цветы и сочные листья.

Затвердела как следует краска, и все коробочки, матрешки, пистолеты, грибки, ковши, вазы отправились в лакировочную баню. Оттуда они выходят яркими, расфранченными, пахнущими деревом, лаком, красками.

Все изделия полхов-майданских мастеров имеют прикладное назначение. Для иглолок, ниток, штопки — грибы, солонки на любой праздничный стол можно ставить, своим нарядом они его только украсят, вазы — для карандашей, разделочные доски — сами за себя говорят.

Горят на полхов-майданских «тарарушках» яркие узоры, идет слава об их создателях по земле.

ТОНКИМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ВКУСОМ ОТЛИЧАЮТСЯ РАБОТЫ МАСТЕРОВ.

Я слышал, что наши альпинисты собираются в этом году совершить восхождение на Джомолунгму. Покажет ли клуб кинопутешественников какой-нибудь фильм об этом? И вообще у нас тут много спорят, что считать истинным путешествием в наш век автотранспорта, самолетов и т. д. Хотелось бы спросить об этом товарища Сенкевича.

Олег БАРЫШЕВ,
Пермская область

ВОСХОЖДЕНИЕ СОВЕТСКИХ АЛЬПИНИСТОВ НА ВЫСОЧАЙШУЮ ВЕРШИНУ МИРА — ДЖОМОЛУНГМУ...

...самое главное путешествие из тех, что состоятся в этом году в нашей стране,— считает ведущий телеклуба кинопутешественников Юрий Александрович СЕНКЕВИЧ.

— Но прежде назовите, пожалуйста, самое крупное, на ваш взгляд, путешествие, которое состоялось в году уже ушедшем.

— Полет через Тихий океан на воздушном шаре.
На воздушных шарах летали—и над сушей и над морем, но такое путешествие задумано и осуществлено впервые. Что еще раз доказывает: нет пределов для человека, желающего—поколение за поколением—самоутвердиться у себя дома, на родной планете: Той же цели, кстати, служит и планируемое восхождение советских спортсменов в Гималаях. Ведь выбран один из самых трудных маршрутов, по которым когда-либо поднимались на Джомолунгму.

ЗАМЕТКА ФЕНОЛОГА

А СУГРОБЫ ВСЕ ВЫШЕ...

...Еще держит силу зима. То морозов налетит, то метелей. Вестимо: февраль недаром лютым прозывают. Последняя опора зимы, ее девятый вал. Пуховитого снегу сейчас на среднерусских полях столько, что без лыж тонешь по самый пояс. Снежные зимы щедрые—к большому разливу вешних вод, к урожаю.

...Февральское солнце. Порой его бывает так много, что окрестности как бы залиты ярчайшим светом. Не зря эту пору величают еще и преддверием весны света. Февраль обладает шестьюдесятью часами прямого солнечного сияния—вдвое больше того, что достается его предшественнику—январю. Но зимнее солнце морозно—блещет, а не греет. Приток тепла совсем ничтожен. Правда, птицы рады и такой ничтожной теплинке. Рассядутся повыше на деревьях, подставив лучам бока и спины. Галки, голуби, воробьи, а в лесах тетерева и глухари—все они любят побывать на первом солнечном сугреве.

Осторожен и сметлив ворон: среди пешеходов он легко замечает охотников. И, конечно, не подпустит к себе на возможный случайный выстрел. В неволе же легко поддается дрессировке и способен заучивать целые фразы.

На воле у нас встречается два ворона—лесной и полевой. Лесной ворон побольше, и хвост у него покруглее: полевой чуть крупнее грача, хвост обрублен прямо. «Крук-крук»,—доносятся из поднебесья крики этих птиц. Стало быть, начались весенние игры. Ворон попусту не каркнет.

...А сугробы все выше.

Александр СТРИЖЕВ

Справка «Смены». Первый в истории полет через Тихий океан совершен на аэростате «Дабл игл 5» экипажем в составе трех американцев и одного японца. За три с половиной дня они преодолели более девяти тысяч километров от Японии до калифорнийского побережья Америки.

Отважные воздухоплаватели планировали пересечь и американский континент и Атлантику, имея конечным пунктом маршрута Центральную Европу, однако ураганные ветры, ливни и снегопады, а также утечка гелия из аэростата не позволили в полной мере исполнить задуманное.

— **Пожалуйста, расскажите о вашем личном—самом главном путешествии, которое вы намереваетесь совершить в этом году.**

— Конечно, это будет поездка в Непал, к базовому лагерю советских альпинистов. Еду я и как представитель своего Института медико-биологических проблем Минздрава СССР, в котором проводится большая работа по части медицинского обслуживания экспедиции, и как ведущий телевизионного «Клуба кинопутешественников».

Справка «Смены». Весной этого года сборная команда СССР по альпинизму впервые будет штурмовать высочайшую вершину планеты. Высота ее—8 тысяч 848 метров. В переводе с тибетского Джомолунгма—это «гора такая высокая, что через нее ни одна птица не может перелететь». Начальник экспедиции—мастер спорта, заведующий сектором Физического института АН СССР, доктор физико-математических наук, профессор Евгений Тамм. На штурм пойдут три группы—15 человек. Триста пятьдесят носильщиков-шерпов понесут груз экспедиции—восемь—десять тонн—до высоты 5340 метров, и здесь будет разбит базовый лагерь. На пути к вершине предполагается разбить еще четыре промежуточных лагеря.

Снаряжение экспедиции тщательно испытывалось в горах Памира, спецподготовку проходили и сами участники. Палатки, в которых они будут жить в Гималаях, впервые продувались в аэродинамической трубе в ЦАГИ, а самих участников поднимали в барокамере до высоты Джомолунгмы.

— **Юрий Александрович, на-**

Вы приступаете к работе...

Уважаемая редакция «Смены»! Комиссия по распределению молодых специалистов направляет меня и моего товарища на предприятие, расположенные в разных уголках нашей страны: в Хабаровском крае и в Черниговской области. Нам сказали, что размер пособия, выплачиваемого в связи с переводом, существенно различается. Так ли это? Если можно, расскажите подробнее о компенсациях при переводе на работу в другую местность.

Е. КОПЫТИН,
Москва

НА ВОПРОС ЧИТАТЕЛЯ ОТВЕЧАЕТ СТАРШИЙ ЮРИСКОНСУЛЬТ ЮРИДИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ГОСКОМТРУДА СССР АЛЕКСАНДР КИСЕЛЕВ.

...НА ДВА СЛОВА

...Первый и пока единственный в стране памятник древнейшему в истории русской культуры поэту и музыканту Болсу был открыт в древнем русском городе Трубчевске. В прекрасном парке под старыми липами сидит на бетонном постаменте бронзовый «садовник старого времени», возложив свой «вещие персты» на «живые струны» гуселей. Отлит памятник ленинградским литейщиками. Его автор—брянский скульптор А. Кобылинцев.

Виктор ЕПИФАНЦЕВ,
Брянск

зовите, пожалуйста, наиболее интересное телепутешествие, которое клуб предложит в этом году постоянным участникам своих «экспедиций».

— Сейчас идет разработка «горной» темы. Мы покажем несколько фильмов о покорении ряда вершин в Гималаях. И надеемся завершить эту серию фильмом о взятии Джомолунгмы.

Параллельно идет разработка специальной программы и, так сказать, «на уровне моря»—о парусе, его прошлом, настоящем и, конечно, будущем. В основе передачи—поход на барке «Седов».

Борис ПЕТРОВ

История старой фотографии

Этот снимок хранится у меня уже более тридцати лет, и то его мне подарил—не помню.

Но как-то раз я показал этот снимок свердловскому прозаику Юрию Хазановичу и записал его комментарий:

— Это было в 1948 году. Всеволод Иванов совершал в то время поездку по уральским и сибирским местам, связанным с его юностью. Однажды его вместе с автором уральских сказов П. П. Бажовым пригласили к себе работники Свердловской кинохроники. В гости пришли Ольга Маркова, Борис Рябинин, Леонид Шкавро и другие молодые тогда уральские писатели. Беседу двух мастеров пера с уральцами снимали для небольшого очерка в киножурнале. А кто-то из ассистентов «лейкой» сфотографировал всю группу. Так и появилась на свет эта фотография.

Растет и расширяется Свердловск. Нет уже и здания кинохроники, на этом месте выросла гостиница «Юбилейная». И самой кинохроники нет. А существует Свердловская киностудия, где создаются художественные, научно-популярные и документальные фильмы.

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

На снимке: Всеволод Иванов и Павел Бажов

Фото Владимира МАШАТИНА

...НА ДВА СЛОВА

У нас открылся новый современный драмтеатр. Его зрительницам за тридцать лет не видели. Это красивое здание расположено на площади Ленина.

Станислав КОЦ,
Семипалатинск

Парус в квадрате

Этот старый двор—вы его видите на снимке—находится в расположении 102-го жилищно-эксплуатационного управления города Львова. Конечно, он не был таким доброй сотней с лишним лет назад, когда постепенно застраивался этот участок города. Но и в нынешнем виде исторической ценности своей отнюдь не утратил. Лишь к искусству тогдашних архитекторов прибавилось современное искусство малых форм и настенной живописи студентов Львовского института декоративно-прикладного искусства, которые превратили стену одного из домов в живописное панно,

построили для детей игровую крепость.

Получился, на мой взгляд, тонкий, приятный синтез времен, который радует глаз и греет душу. Правда, студенты пришли сюда не сами. Их пригласила испробовать свои творческие силы директор Дворца пионеров Ольга Михайловна Раделицкая при полной поддержке районной депутатской группы. Дело в том, что тут в одном из подвалов разместился клуб юных моряков «Парус». А морякам, как можно догадаться, трудно жить без моря даже в старинных дворах сухопутного Львова.

Александра НАБАТОВА

А ЧТО У ВАС?

ни, почему вы однажды подрались с Никитой Гладышевым? Двадцать первого апреля?

— По глупости. Никита за Мишку Торопова заступился.

— Верно. Молодец, что не соврал.

— А чего мне врать!—уже увереннее сказал парень.

— Я слышал, что ты одно время «промышлял» запчастями к «Жигулям», так?

— Я с этим порвал.

— Потому что тех «барыг» осудили?—Я в упор смотрел на него.

Николай не ответил, отвернулся.

— А с Егором Гороховым и Павлом Злобченко ты тоже порвал, Коля?

Он резко повернул ко мне голову, сказал с нескрываемым изумлением:

— Вы и о них знаете?!

— У меня профессия такая—много знать. Но ты не ответил на мой вопрос.

— Не хожу я с ними больше. Себе спокойнее.

— Пожалуй, ты прав,—согласился я.—Ну, а теперь все же ответь, почему ты не хочешь сказать мне правду: когда узнал о смерти Никиты Гладышева?

Его неожиданное упорство было для меня странным и непонятным. Если он причастен к происшествию с Никитой Гладышевым, то его больше должно беспокоить воскресенье, 14 мая, а не понедельник, 15 мая. Между тем о воскресенье он говорил равнодушно. Почему же настаивает на вторнике?

Я не торопил. Прошло несколько минут.

— Ладно,—звонко произнес Николай.—В понедельник я не ночевал дома.

— Где же ты ночевал?

— У тетки своей!—выкрикнул Николай и вдруг заплакал, чего я от него никак уж не ожидал.

Он уткнул лицо в руки и ревел, как ребенок. Но, по существу, он и был еще ребенком, высоким, плечистым, сильным ребенком.

— Я пришел домой...—Он поднял на меня мокрое от слез лицо, давился словами.—А дверь закрыта... Я звоню, а она не открывает... Я слышу: музыка играет... и голоса... пьяные... Она, значит, и он... поют... Пьяные уже...

— Она—это твоя мать?—негромко спросил я.

— Ну да!—Николай шмыгнул носом.—Со своим... хахалем!

— И часто случается, что тебе приходится ночевать в другом месте?—Острая жалость к нему охватила меня.

— Бывает,—пробормотал мальчишка.—Но, кроме тетки, никто не знает. Противно очень. Они, когда напьются, сначала целуются, а потом дерутся... Раньше, при отце, у меня свой ключ был... А теперь мать отняла. Ему отдала!

Сколько обиды, даже ненависти прозвучало в голосе Николая, когда он сказал: «Ему отдала!» Что же мне сказать этому мальчику, который иной раз не может попасть в свою квартиру, потому что родная мать отдала его ключ чужому мужчине? Однако для него, Николая Терехова, он чужой, этот мужчина, а для матери, брошенной мужем, вовсе и не чужой. И из-за него она предает сына? Э-эх, легче всего со стороны осуждать ли кого, успокаивать ли. А жизнь—сложная штука, давно и всем известно. Некогда моя бабка говаривала: «У каждой божьей твари своя правда имеется. Потому волк овцу режет, а охотник волка стреляет!» Но как же тогда истину найти, если у каждого, у всех своя правда?

— Мать твоя давно начала пить?—мягко спросил я.

— Давно,—коротко ответил он. Потом горькая усмешка искажала его губы.—Думаете, не понимаю, почему вы меня все спрашиваете о Гладышеве? Подозреваете меня... Ну, будто я... чего-нибудь такое... с Никитой... Да? Только неправильно вы подозреваете. Видел я Никиту в воскресенье, видел!

— Когда? В котором часу?

— Вечером. В половине восьмого.

— Где ты его видел, Коля? Пойми, дружище, это очень важно!

— По набережной они гуляли.

— Кто они?

— Никита и Андрей Александрович... Морозов. Наш учитель физики. Ребята часто с ним встречаются после уроков или в выходные дни. Говорят, что интересно с ним. Но я у него ни разу не был...

— Погоди, погоди,—перебил я.—Ты говоришь, что они гуляли по набережной. А они тебя видели?

— Не знаю. Они в мою сторону не смотрели. Да я и сам спешил. К Вальке Грошеву. Мы с ним договорились, что в кино пойдем, в «Вымпел». Там у него мать работает администратором. Она нам разрешила прийти на сеанс двадцать тридцать. Мы две серии «Они сражались за Родину» смотрели. И Вероника Георгиевна вместе с нами сидела. И домой мы потом вместе пошли. Я к себе в половине двенадцатого пришел. Ветер сильный был. А мать к бабке в деревню поехала, я один дома... Если не верите, можете у Вероники Георгиевны спросить, она вам скажет, был я в кино вместе с Валькой или нет, шли мы вместе домой или нет...

— Успокойся, Николай,—строго прервал я его.—Не маленький. И не надо обижаться. Я хочу узнать, что произошло с твоим школьным товарищем.

— Я понимаю.—сниженным голосом произнес он.—Извините.

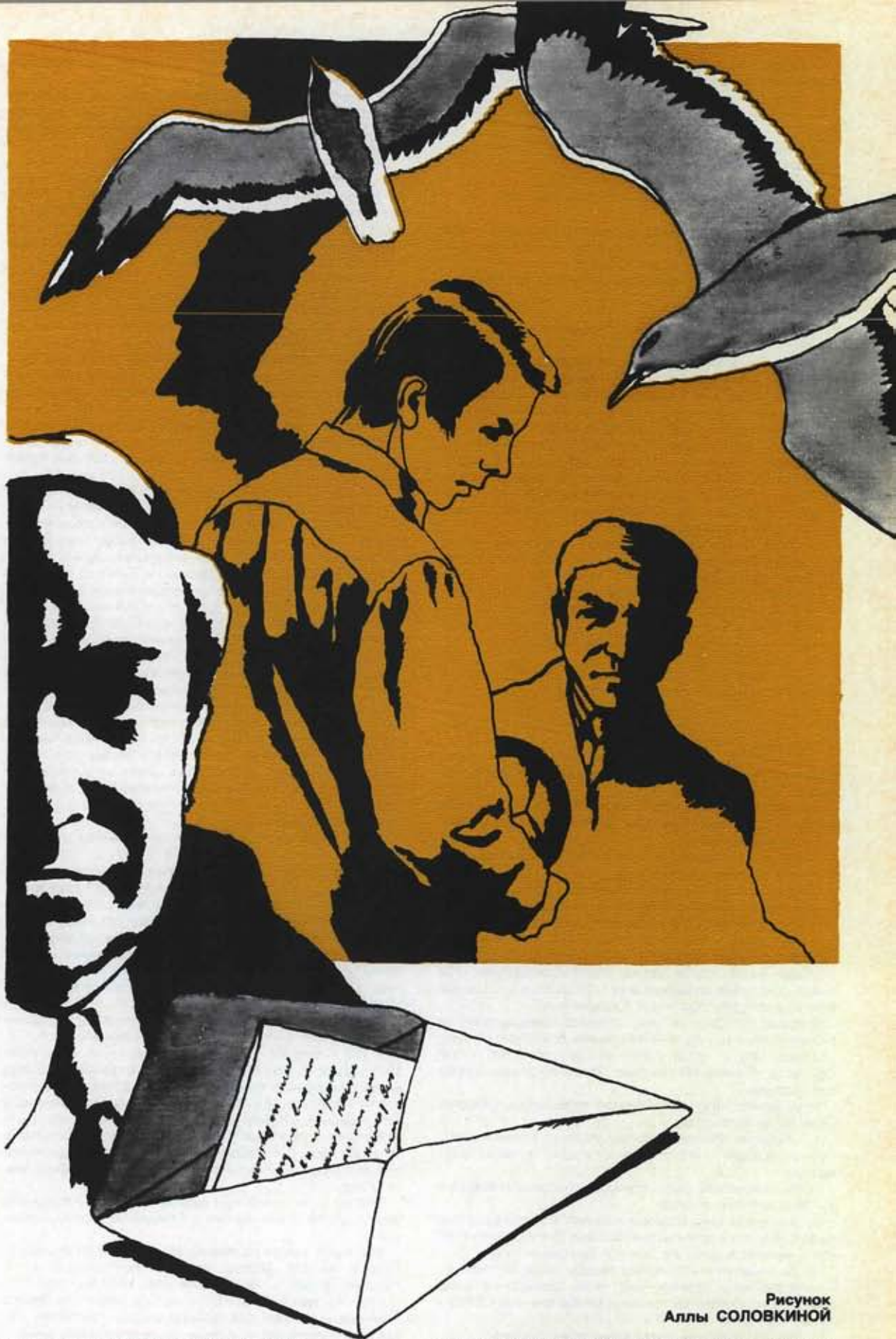

Рисунок
Аллы СОЛОВКИНОЙ

18 мая 1978 г., четверг, 16 часов 45 минут

То, что сообщил Николай Терехов, было в высшей степени важно, ибо не исключало, что учитель Морозов оказался последним человеком, кто видел и разговаривал с Никитой Гладышевым.

О чем они говорили?

Вошел Самсонов.

— Ну что с Гороховым и Злобченко?—нетерпеливо спросил я, жестом приглашая его сесть.

— Алиби у них,—ответил Самсонов.—Горохову двенадцатого мая сделали операцию. Аппендицит. До сих пор лежит в больнице. Злобченко четырнадцатого мая работал на фабрике. Там вышла из строя отопительная система. Собрали всех ремонтников и упросили их поработать в воскресенье. Работали в две смены. С фабрики все, в том числе Злобченко, уехали после двадцати трех часов на служебном автобусе.

— Хорошо. Алиби так алиби,—кивнул я.—Надо побывать в кинотеатре «Вымпел» и поговорить с администратором Вероникой Георгиевной. Поинтересуйтесь, действительно ли в воскресенье Николай Терехов и ее сын Валентин смотрели

на сеансе двадцать тридцать кинофильм «Они сражались за Родину»? Я думаю, что так оно и было, но для формальности нужно проверить. А потом позвоните мне.

— Понятно,—сказал Самсонов.

— Как с поездкой в Черновин? Оправа от очков повисла у нас, Игорь Демьянович. Не передумали ехать?—пошутил я.

— Завтра с утра,—ответил Самсонов.—А сегодня встречаюсь с администратором «Вымпела».

— Лады.

После его ухода я позвонил в справочную и попросил назвать мне номер домашнего телефона Андрея Александровича Морозова.

— Алло, Андрей Александрович?

— Да.

— С вами говорит старший следователь прокуратуры Красиков...

— Дмитрий Васильевич?—оживленно перебил меня низкий мужской голос.—Очень рад, что вы позвонили. Я сам собирался это сделать. Узнал у директора ваш номер телефона... Да вот некстати свалился.

— Что-нибудь серьезное?—забеспокоился я.

— Нет, нет!

Спрос, предложения... Сам черт ногу сломит в этих комбинациях!

В комнату вошла Ксения, неся ужин.

— Совместим приятное с полезным. Игорь Демьянович,— пригласил я Самсонова к столу.— Ужин и беседу.

Ксения вышла. Самсонов, накладывая в тарелку еду, продолжал:

— А у меня, понимаете, уже азарт. Столько объездил, время потерял, нет, думаю, все равно доберусь, не может быть такого, чтобы не добрался до этих очков!

Он откупорил бутылку минеральной воды, налил в стакан, сделал большой глоток.

— Приезжаю в Горобовск, выхожу на вокзальную площадь, а там рядом — автобусная станция. Смотрю, через дорогу — аптека. Я туда. Пожалуйста, лежат милье!.. Несколько пар, причем и в витрине красуются. Естественно, одну пару я купил.

— Без рецепта? — уточнил я.

— Как же, потребовали рецепт,— улыбнулся Самсонов,— а я говорю: «Девушка, миленькая, не для себя покупаю, для деда. Не может без них газеты читать. Как ему жить без мировых новостей!» Девушка рассмеялась, махнула рукой, мол, ладно, платите деньги в кассу. В маленьком городе и строгости поменьше...

Рассказывая, Самсонов достал из кармана футляр.

— Вот очки, что были обнаружены у Гладышева. А эти я купил.— Он вынул из другого кармана вторые очки в таком же футляре.— Один к одному, Дмитрий Васильевич. С теми же диоптриями. Обратите внимание, и футляр аналогичный. Ну, а после того, как убедился, что можно очки и без рецепта приобрести, я, как говорится, представился по всей форме. Девушка, конечно, перепугалась сначала. Но я ее успокоил. Попросил помочь отыскать рецепты, по которым

в разное время отпусkaliсь эти очки. Словом, собрал по Горобовску рецепты. Пятнадцать штук. Вот, пожалуйста, список. Тут некоторые из других городов, близлежащих.

Самсонов протянул лист. Я скользил взглядом по фамилиям, потом задумчиво спросил:

— Стало быть, эти очки поступили в продажу в горобовские аптеки в апреле?

— Двадцать седьмого апреля,— ответил Самсонов.

— Извините, Игорь Демьянович...

Я быстро встал и направился к телефону, который стоял на письменном столе. Набрал номер Гладышевых. Трубку подняла Екатерина Ивановна. Я назвал и попросил ответить, уезжал ли куда-нибудь из города Никита между двадцать седьмым апреля и тринадцатым мая.

— Да,— тихо ответила Екатерина Ивановна.— В субботу, двадцать девятого апреля, Никита вместе с товарищами из школы отправился в какой-то поход. Он был «красным следопытом». Они выехали днем, после занятий, а вернулись после майских праздников.

— Куда они уезжали, Екатерина Ивановна?

— Не помню, Дмитрий Васильевич. Никита называл мне какой-то небольшой город, но я сейчас не вспомню. Извините... Но это легко выяснить в школе... А шестого, седьмого, восьмого и девятого мая Никита гостил у наших друзей Беленковых на даче.

— Далеко от города дача Беленковых?

— Тридцать километров. Они живут там весь год.

— У них телефон есть?

— Нет.

— Дайте мне, пожалуйста, адрес Беленковых.

— Записывайте, Дмитрий Васильевич.

Записав адрес Беленковых, я поблагодарил Екатерину

Ивановну и вернулся к Самсонову. Он с любопытством поглядывал на меня, ждал, что я скажу.

— Ну вот, Игорь Демьянович. Никита уезжал из города. Причем дважды. Это крайне важно... Да-а, Игорь Демьянович, хотел дать вам возможность передохнуть от поездок, но, увы, ничего не получится. Завтра с утра вам придется съездить на дачу Беленковых. Вот по этому адресу. Надо узнать, был ли у них с шестого по девятое мая Никита Гладышев. В каком состоянии и настроении они нашли его.

— Понятно,— кивнул Самсонов.

Посидев еще немного, мы распрощались.

Я чувствовал себя взбодораженным. Так со мной бывает всякий раз, когда в поисках истины я вдруг нащупываю какую-то почти незаметную для глаз тропку. И во мне сейчас росло ощущение, что я не только нащупал эту тропку, но уже и ступил на нее.

Следственная версия иногда появляется как искрометная игра воображения следователя; искорка, которая как бы вырывается из цепи установленных им фактов расследования и на мгновение освещает, показывает возможный путь к установлению истины.

Но истина — правда, освещенная со всех сторон не искоркой, а ровно горящим огоньком, он непрерывен; составляющие истину факты сплетены между собой, вытекают один из другого, ни одно звено не выпадает...

Версия становится истиной только тогда, когда пройдет испытание проверкой, когда факты подтверждают ее с такой ясностью и определенностью, что она становится единственно возможной, истинной версией.

Эти мысли принадлежат не мне, другому юристу. Но они на редкость точны!

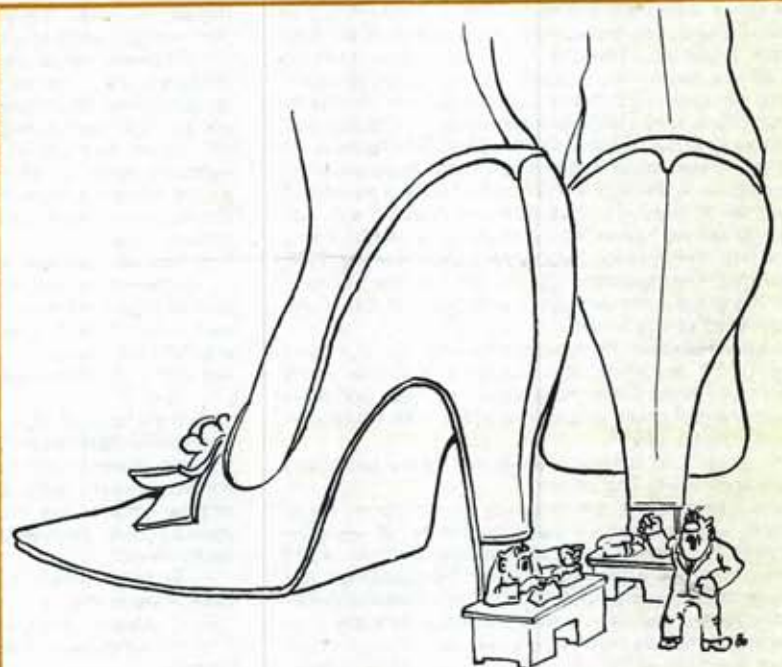
Окончание следует.

«Смена» объявляет конкурс на улыбку. Дорогие читатели, не оставайтесь в стороне от хорошего, веселого дела, присылайте свои юмористические рисунки! Тематика и количество рисунков не ограничиваются. Присылайте рисунки до 1 ноября 1982 года с пометкой на конверте «Юмор-82». Размер рисунков 30×30. Лучшие рисунки, отобранные членами жюри, будут публиковаться в «Смене» в течение года. Победителям конкурса будут вручены дипломы «Смены» и призы. Присланные рисунки не рецензируются и не возвращаются.

КОНКУРС ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РИСУНКОВ

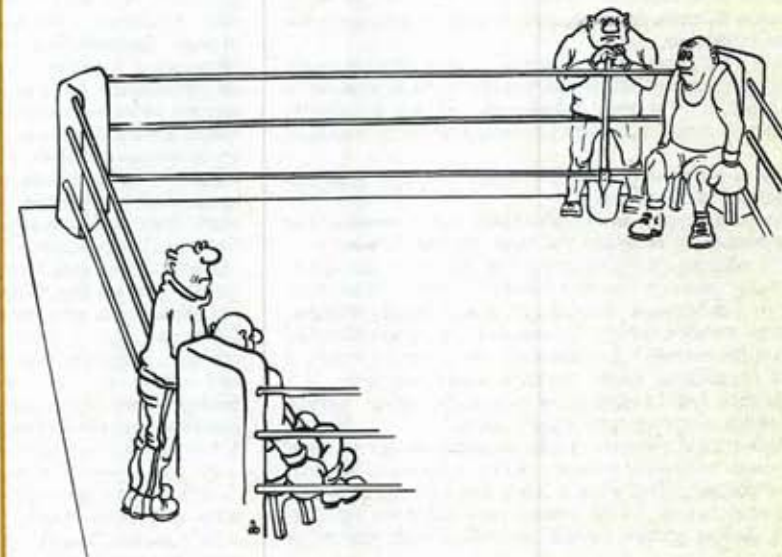
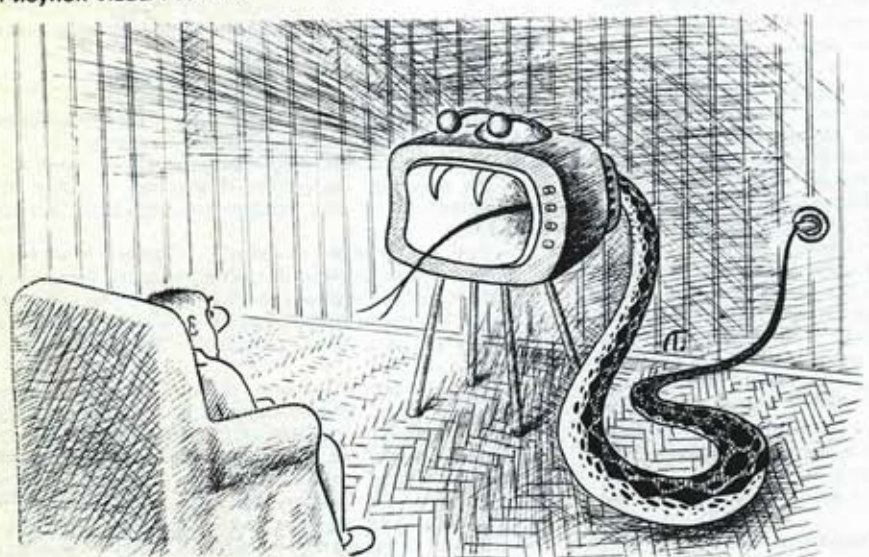

Рисунок
Виктора ТАМАЕВА

Рисунки Виталия ПЛОТНИКОВА

Рисунок Льва ГУЛИНА

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.12.81. Подписано к печати 05.01.82. А 05003. Формат 70×108¹/₄. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60. Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 17.50. Тираж 1145000 экз. Изд. № 284. Заказ № 1733. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ

Стихи Николая ДОБРОНРАВОВА

Музыка
Александры ПАХМУТОВОЙ

Стихи
Николая ДОБРОНРАВОВА

Ты эти крылья мне дала,
И молодость дала мне, и силы.
Как я люблю тебя, Москва!
Ты от моей любви еще красивей.

ПРИПЕВ:

Город самый главный,
Самый дорогой,
Город нашей славы,
Вечно молодой.
Город нашей славы,
Город волшебства,
Город златоглавый—
Гордая Москва!

Сколько в душе твоей тепла!
Сбываются твоим предсказанья...
Ты в шумном мире нас нашла,
Со счастьем нам
Назначила свиданье.

ПРИПЕВ.

Ты—наших песен отчий дом.
И, даже всю объехав планету,
Снова друг друга
Мы найдем
На площади
Бессмертного поэта...

ГОРОД НАШЕЙ СЛАВЫ

К Р О С С В О Р Д

Составил П. ОГЛОБЛИН,
Минск

По горизонтали:

9. Деталь прядильной машины.
10. Основоположник научной педагогики в России.
11. Серия советских межпланетных станций.
12. Наиболее удаленная от Земли точка орбиты Луны.
13. Столица Мавритании.
14. Герой оперы С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем».
16. Минерал, сырье для удобрений.
18. Ценная промысловая рыба семейства карповых.
21. Сорт хрустала.
22. Несколько машин, работающих в комплексе.
23. Цитрусовое дерево.
24. Травянистое растение, глухая крапива.
26. Высокий женский голос.
28. Автомобиль с оплатой проезда по счетчику.
31. Французский живописец и график XIX века.
34. Деталь фотографического затвора.
36. Приток Днепра.
37. Басня И. А. Крылова.
38. Вид графики.
39. Порт в Греции.
40. Устройство в радиоприемнике для преобразования электрических колебаний.

По вертикали:

1. Жанр камерной музыки.
2. Город в Швейцарии.
3. Декоративное растение.
4. Поэма А. С. Пушкина.
5. Лесная перелетная птица.
6. Дословный отрывок из текста.
7. Нити, идущие вдоль ткани.
8. Раздел механики.
15. Всесоюзное спортивное общество.
17. Невысокая ограда вдоль набережной.
18. Овощное растение.
19. Устройство для соединения подвижных частей машины.
20. Административный центр департамента во Франции.
25. Птица, обитающая в горах.
27. Автор поэмы «Русские женщины».
29. Твердое вещество, применяемое для шлифования, полировки.
30. Единица времени.
32. Русский живописец XIX века.
33. Восторженное одобрение, бурные рукоплескания.
34. Передвижной цирк.
35. Лекарственное растение, медонос.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 2**

По горизонтали:

5. Моховик.
6. Обручев.
8. Штопор.
9. Прицеп.
11. Кторов.
12. Кукрыниксы.
15. «Машенька».
16. Каллимах.
17. Туба.
18. Амбир.
19. Агапа.
21. Шанс.
24. Портьера.
25. Краковяк.
26. Хлопчатник.
28. «Бухара».
29. Янсонс.
30. «Январь».
31. Кореяко.
32. Селенга.

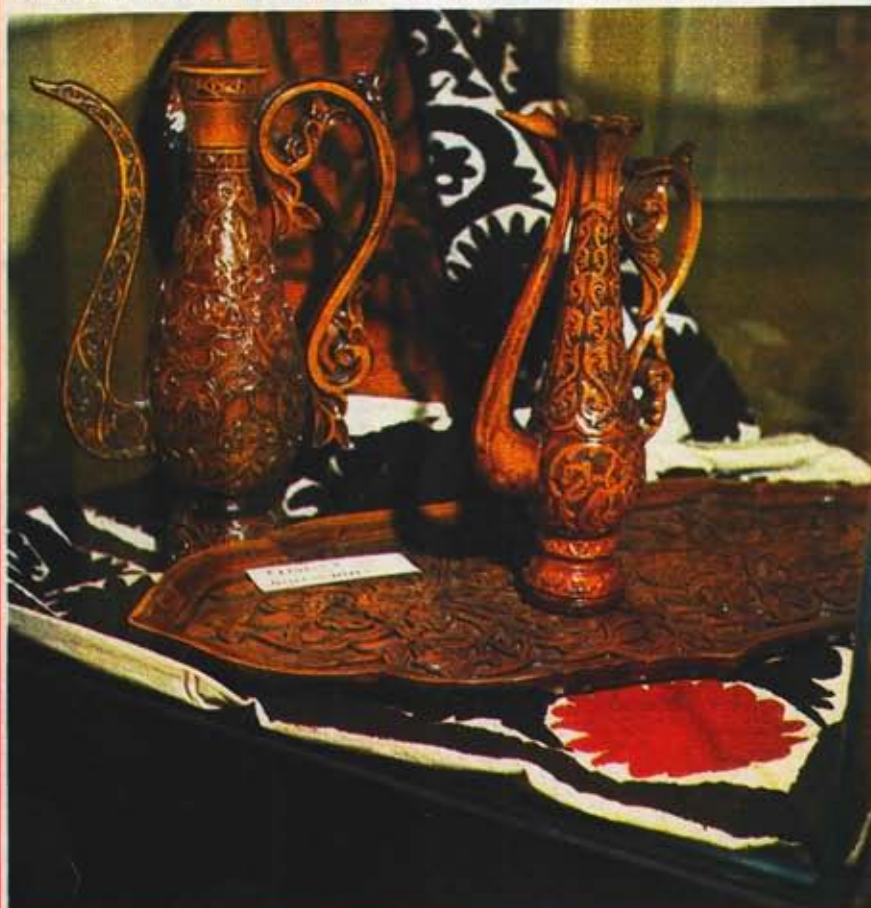
По вертикали:

1. «Гобсек».
2. Экстернат.
3. Боровинка.
4. Судеты.
5. «Мадригал».
7. Виноград.
10. Пульчинелла.
11. Ксилография.
13. Фермата.
14. Симплон.
20. Портулак.
21. Шампиньон.
22. Скутерист.
23. Лявониха.
26. Хребет.
27. Князев.

УЧАСТЬ И ПРОДОЛЖАЯ

Что заставляет вологодского слесаря после работы «колдовать» над бесформенной деревянной заготовкой, чтобы превратить ее в декоративное блюдо с замысловатой тонкой резьбой? Почему женщина, по профессии рабочая-нормировщица, в выходной день, когда ждут нескончаемые домашние дела, берет в руки лозу, и гибкие прутья превращаются в легкие кружевные корзинки или ажурные воздушные подносы? Откуда берется в человеке, который и не думает называть себя художником, это

В рязанских сквозных вышивках-строчках ощущается вековая ювелирная тонкость узора, праздничность цвета. Так же как бабушки, современные рязанские вышивальщицы используют прежние геометрические формы — «репей» или «крест», работают различными мережками, которые называют «прямушкой», «рогулькой», «камелюшкой». И эти ласковые, домашние названия как бы дают почувствовать ту тихую радость уюта, которую вносят в быт полотенце, покрывало или

ИЗДЕЛИЯ
УКРАИНСКИХ МАСТЕРОВ
НА ВЫСТАВКЕ.

П. КАЛИНИН.
КУВШИНЫ.

В. ПОПОВ.
ХЛОПОК.

Л. ГОЛОВЕЦКАЯ.
ПАВЛИН.

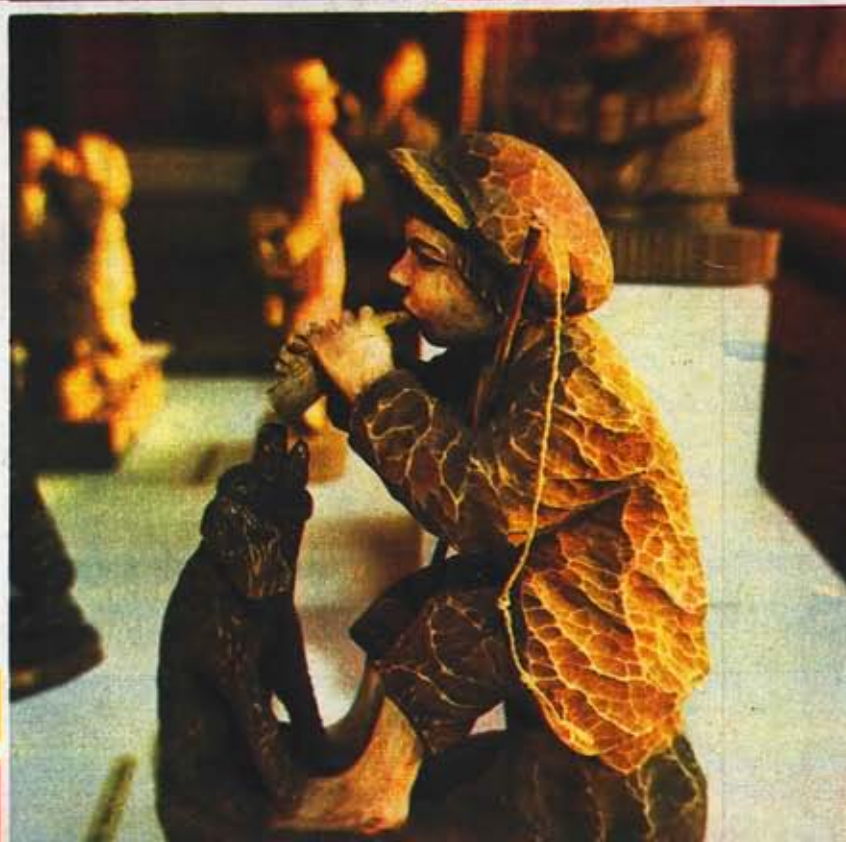

властное желание почувствовать упругое сопротивление материала, подчинить его себе? Пожалуй, за этим не просто стремление украсить свое жилище или желание заполнить свой досуг, но тяга к одухотворению своего быта, извечная жажда творческого самовыражения.

В прошлом году в Москве были организованы выставки, посвященные важнейшему событию в жизни нашей страны — XXVI съезду КПСС, и среди них — экспозиции самодеятельных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства национальных республик. Они проходили под девизом «Тебе, родная партия, наше творчество и мастерство».

Трудно соперничать с прославленной нарядной «дымкой» в исполнении народного мастера Л. Фалалеевой. Она создает не отдельные игрушки, а многофигурные композиции, в которых разыгрывается целое игрушечное «действие». Яркие краски росписи, броский орнамент, острая подчеркнутость жестов и повадок каждого из забавных персонажей — все это из тех давних традиций «дымки».

Е. НОРБУТЕНЕ.
ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ.

занавески, вышитые неспешными любовными руками.

Однако не всегда у художника-самоучки мы находим прямое приобщение к культурному наследию предков. Часто он довольно свободно обращается с традицией и не только «переплавляет» ее в своем творчестве, но и вызывает к жизни новые формы. Самодеятельный художник П. Калинин живет в Узбекистане, но его резьба по дереву имеет прямых прототипов в декоративно-прикладном узбекском искусстве. Правда, он пользуется приемами узбекской фоновой резьбы, однако при этом придает своим деревянным кувшинам и подносам благородный, изысканный силуэт прославленных изделий кубачинских сереброкузнецов из Дагестана. Да и сам узор — суховатый, чеканный, скорее не узор, а гравировка. И служит он здесь не для того, чтобы выявить природную красоту и теплую текстуру дерева, а как бы имитирует холодноватое мерцание металла.

Глядя на эти работы, невольно убеждаешься в том, что произведения самодеятельных художников перерастают рамки «домашнего потребления» на радость друзьям и близким. Им нужен зритель, зритель широкий и благодарный, чтобы могли они предстать перед ним, как в старину говорили, «добрым людям на загляденье».

Марина МАЦКЕВИЧ
Фото
Николая ГРАНОВА